

ГЕРМАНИЯ
И
ПРИБАЛТИКА

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийский ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра новой и новейшей истории

Г Е Р М А Н И Я   И   П Р И Б А Л Т И К А

Межведомственный сборник научных трудов

[67]

Под ред. П.Я.Крупникова

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1980

Предлагаемый сборник продолжает начатое в 1972 году издание сборников статей по проблемам истории Германии и Прибалтики.

В течение семи веков — вплоть до Октябрьской революции — на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтики служила немецким захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В то же время прогрессивные силы немецкого народа оказали положительное влияние на развитие народов Прибалтики. С развитием революционного движения в Прибалтике устанавливаются интернационалистские связи пролетариата Германии, Латвии, Эстонии и Литвы.

Работы, публикуемые в этом сборнике, посвящены различным — как отрицательным, так и положительным — аспектам многовековых исторических связей Германии и Прибалтики. Предлагаемые работы являются частью исследований, над которыми работают авторы. Поэтому каждая из статей охватывает лишь отдельные стороны исследуемых ими проблем. При составлении данного сборника использованы также материалы IV конференции "Германия и Прибалтика", состоявшейся в феврале 1979 года на историко-философском факультете ЛГУ им. П. Стучки с участием историков Праги (ЧССР), Ростова (ГДР), Торуня (ПНР), Москвы, Тарту и Вильяуса.

Сборник предназначен для историков, изучающих вопросы Германии и Прибалтики.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
П. Крупников (отв. ред.),
А. Варславян, М. Духанов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им. П. Стучки от 26 декабря 1980 года

Г 10603-157у 86.80.0504030000
М 812(II)-80

© Латвийский
государственный
университет
им. П. Стучки, 1980

Я. Дзинтарс

ЛАТЫШСКИЕ СОВЕТСКИЕ ПАТРИОТЫ
В ШТУТТГОФСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ

120 тысяч узников, из которых около 85 тысяч было уничтожено, — таков страшный баланс Штуттгофского лагеря смерти, построенного по приказу Гимmlера еще в сентябре 1939 года в болотистом лесу в 34 километрах к северо-востоку от Гданьска. Штуттгоф был вторым после Маутхаузена в Австрии концентрационным лагерем, который главари нацистской Германии решили соорудить за пределами третьего рейха для уничтожения жителей оккупированных стран.

Голод, ужасающие санитарные условия и непомерно тяжелый труд, особенно на кирпичном производстве, на лесных работах и в транспортных командах, где истощенных людей, в том числе и подростков, запрягали вместо лошадей в тяжелые повозки, невероятная жестокость и издевательства над политзаключенными со стороны уголовников, в руки которых эсэсовцами была передана вся внутренняя власть в лагере, — вот что такое был Штуттгоф.

А 25 января 1945 года в жизни узников Штуттгофа наступили еще более ужасные дни — начался "марш смерти": 30 тысяч полураздетых, похожих на скелеты заключенных одиннадцатью колоннами под строгой охраной погнали на запад. Стоял мороз, дороги занесло снегом, никакой еды не было. Тысячи заключенных, потеряв последние силы, падали в пути. Эсэсовцы тут же пристреливали их, не пада ни женщин, ни подростков. Лишь нескольким тысячам участников "марша смерти" в феврале-марте 1945 года удалось спастись в результате стремительного наступления Советской Армии.

Много лет спустя автору данной статьи во время научных командировок 1973 и 1974 годов в архиве музея Штуттгоф-

ского концлагеря в Польской Народной Республике и в 1976 году в архиве Документального центра Государственного архивного управления при Министерстве внутренних дел ГДР в Берлине впервые удалось выяснить, что со Штуттофским лагерем смерти была связана и судьба около 7 тысяч латышских советских патриотов, в том числе около 500 женщин, среди которых было несколько сот бывших пионеров и школьников 1940/41 года. Большинство из этих политзаключенных закончили здесь свой мученический путь, и лишь несколько сот из них чудом уцелели.

Анализ многочисленных архивных документов и воспоминаний¹ бывших узников Штуттофского концентрационного лагеря свидетельствует, что условия пребывания в нем латышских советских патриотов были особенно невыносимыми из-за лютой ненависти к ним уголовников разных национальностей. Но все же, хотя латышские советские патриоты по численности среди политзаключенных (подчеркнуто мною. - Авт.) занимали в Штуттофе одно из первых мест, их трагической судьбы до сих пор не касался ни один из польских, датских, немецких, советских и других историков и публицистов, писавших об истории Штуттофского лагеря смерти.

В то же время литовский автор Балис Сруога, который сам пребывал в Штуттофе вместе с группой литовских буржуазных националистов и пользовался здесь статутом привилегированного "почетного заключенного" (Ahrheshäftling), работая писарем в комендатуре лагеря по регистрации заключенных, в своей книге о Штуттофе "Лес богов"² умалчивает о тысячах узников - латышских советских патриотах, а "латышские дела" в Штуттофе фактически свел к ироническому упоминанию о группе латышских "почетных заключенных", а также о примерно 200 латышских фашистах из отряда генерала Курелиса, которые потом снова были отправлены в гитлеровские воинские части для дальнейшего прохождения служб. Кроме них Б.Сруога в своей книге еще довольно широко описывает болезнь и смерть латышского буржуазного политика

К. Чаксте, который также был "почетным заключенным" Штутгофа.

Так у довольно широких масс читателей книги "Лес богов" вышедшей не только на литовском, но и на русском и латышском языках, возникло исторически неверное, ложное представление, что для латышей в целом в Штутгофе были созданы гораздо лучшие условия, чем для остальных граждан Советского Союза, что заключенные там граждане Латвийской ССР до ареста являлись кем угодно, но только не борцами за власть Советов. Под впечатлением выводов книги Б. Сруоги, секретарь Объединенного комитета группы бывших узников Штутгофа, его филиалов и гитлеровского шталага II В (Гаммерштейн) при Президиуме секции бывших военнопленных Советского комитета ветеранов войны В. М. Акимов 15 ноября 1967 года передал Штутгофскому музею составленную им историческую справку "Гитлеровский концентрационный лагерь Штутгоф", где утверждает, что литовцы, латыши и эстонцы находились в лучших условиях, чем остальные граждане СССР.³

Благодаря книге Б. Сруоги, который не смог или не захотел за немногочисленными привилегированными латышскими буржуазными националистами разглядеть около 7000 латышских советских патриотов — подлинных узников этого гитлеровского лагеря смерти, испытавших на себе все адские муки Штутгофа, распространилась эта нелепая, исторически неверная и политически вредная версия о том, что все заключенные в Штутгофском лагере латыши пользовались там определенными преимуществами за какие-то прежние "заслуги" перед немецко-фашистскими оккупантами. Очевидно, из-за существования такой нелепой версии "латышский вопрос" остался неосвещенным и в таком объемеистом научном труде по истории Штутгофского концентрационного лагеря, как книга польского историка К. Дунина-Вонсовича "Концентрационный лагерь Штутгоф 1939-1945"⁴.

На самом деле все эти 7000 латышских советских патриотов были арестованы фашистскими оккупантами и их припешниками за активное участие в руководимой КП Латвии борьбе против гитлеровских захватчиков.

С весны 1942 года в Штуттоф непрерывным потоком отправляли латвийских рабочих и батраков, угнанных на принудительные работы в фашистскую Германию и участвовавших там в актах саботажа. Среди них был шестнадцатилетний Андрей Дишлеро которого данцигское гестапо отправило в Штуттоф на "перевоспитание" 28 мая 1942 года и который уже через два месяца скончался.⁵

Первый большой транспорт арестованных латышских советских патриотов из Риги прибыл в Штуттоф 7 декабря 1943 года. В нем было 1240 человек.⁶ В основном это были советские активисты, схваченные фашистами еще летом 1941 года, члены первых рижских антифашистских подпольных организаций, арестованные в конце 1941 года и весной-осенью 1942 года, люди, помогавшие советским фронтовым разведчикам.

Следующие большие партии арестованных советских патриотов из Риги прибыли в Штуттоф в 1944 году: 10 февраля - 118 человек⁷, 23 февраля - еще 84 человека, а 15 августа - 623 человека.

Особенно большой транспорт с 1155 латышскими, русскими и эстонскими советскими патриотами прибыл в Штуттоф 1 сентября 1944 года из Таллина.⁸ Среди заключенных были 53 пионера и школьника, которые до ареста под руководством коммунистов и комсомольцев участвовали в борьбе с оккупантами. Среди них - Волдемар Бергманис, Янис Федосеев, Вилис Бауэрмейстер, Эдмунд Класон, Мейнхард Петерберг, Николай Иванов, Петерис Зайцеровский.

Две недели спустя, 14 сентября 1944 года, в Штуттофе был зарегистрирован новый транспорт. На этот раз в лагерь смерти попало 768 латышских советских патриотов.⁹ Среди них были рижская пионерка Ирма Талка - активная участница подпольной организации комсомолки Ольги Грененберг, а так-

же семнадцатилетний Имант Карлсон, который умер 11 января 1945 года в одном из самых страшных филиалов Штуттофского лагеря, находившемся в Готенхафене (Гдыне).¹⁰

Одновременно с И. Карлсоном в Штуттоф попали его сверстники Харий Бригис, Гунар Пелен, Имант Фомин, Эйжен Дегис, Янис Микельсон, Гунар Вукманис и другие. Об их дальнейшей судьбе документы Штуттофского музея молчат.

Все ужасы Штуттофа и "марша смерти" пережила Дзидра Шмидре, ныне доцент ЛГУ им. П. Стучки, а ее отец Паулс Шмидрис из этого лагеря смерти не вернулся.

Казалось бы, что в октябре 1944 года и позднее число отправляемых в Штуттоф латышских советских патриотов должно было сократиться, потому что уже в июле-сентябре Советская Армия освободила большую часть территории Латвийской ССР, а в прифронтовой зоне жандармерия на месте расстреливала сотни арестованных подпольщиков, партизанских связных и участников массового саботажа.

Но произошло обратное. В октябре-декабре 1944 года число вновь заключенных в Штуттофе латышских советских патриотов значительно возросло и достигло 3439 человек.¹¹ Они составляли основную массу из всех привезенных за этот период узников Штуттофа. Это является свидетельством того, что вдохновляемая Коммунистической партией Латвии борьба трудящихся республики против оккупантов и служившей им фашистской буржуазии осенью 1944 года стала поистине мощной всенародной борьбой и, несмотря на тяжелые жертвы, продолжала разворачиваться.

Из Риги последние группы арестованных латышских советских патриотов (около 400 человек) были отправлены в Штуттоф 6 и 10 октября 1944 года. Среди них был восемнадцатилетний Освалд Юмкис - один из самых отважных членов подпольной разведывательной организации коммуниста Аугуста Лейнесара, пятнадцатилетний пионер - подпольщик Вилис Рейнсон, шестнадцатилетняя пионерка Анна Ургане, восемнадцатилетняя Еирута Екабсон и другие юные патриоты.

Еще большее число юных латышских советских патриотов находились в тех пятнадцати транспортах, которые прибыли в Штутгф из так называемого "Курляндского (Курземского) котла" в период с 13 октября 1944 года по 3 января 1945 года. Число подростков в этих транспортах обреченных достигло уже почти 10%, т.е. почти трехсот человек из 3096.¹² Большинство этих заключенных, в том числе почти все подростки, погибли от холода, голода, непосильной работы и во время страшного "марша смерти". Среди погибших юных патриотов были руководитель боевой подпольной организации "Красные пионеры Латвии" Элмар Еирзник и три его товарища, а также пионер из Ванеской волости Жанис Ронис, бывший связной северокурземской антифашистской подпольной организации, которой руководил коммунист Карлис Палдиньш, и много других юных ленинцев.

Среди тех, кого немецкие и латышские фашисты из "Курляндского котла" отправили в Штутгф для уничтожения как опасных "красных", была также большая группа 15-17-летних подростков - Катрина Юрмале (род. в 1928 г.), Константин Лаврутис (род. в 1929 г.), Антон Рацукс (род. в 1929 г.), Эдуард Зингис (род. в 1928 г.), Оскарс Гогдановс (род. в 1928 г.), Албертс Яунгалис (род. в 1927 г.), Паулс Земитис (род. в 1929 г.), Олафс Янсонс (род. в 1929 г.), Мартиньш Фриедис (род. в 1928 г.) и его брат Жанис (род. в 1927 г.), Джемс Крумкалис (род. в 1928 г.) и многие другие. Почти все они погибли в Штутгфе.

Вместе с подростками погибли в Штутгфском лагере смерти и 80% взрослых латышских советских патриотов, которых гитлеровцы привезли туда из "Курляндского котла".¹³ Только во время "марша смерти" погибло 2000-2500 латышских советских патриотов.¹⁴ Среди последних были Катрина Стрике - сестра легендарного руководителя курземских партизан и уполномоченного Оперативной группы ЦК КП Латвии Андрея Мацпана, Анна и Екабс Страутманисы - родители заместителя командира западнокурземских партизан и уполномоченного Оперативной группы ЦК ЛКСМ Латвии Андрея Страутманиса и

его брата Петериса Страутманиса, который в годы войны был командиром 5-го латышского партизанского отряда, а ныне является Председателем Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

Несколько сот латышских советских патриотов эсэсовцы еще до "марша смерти" уничтожили в Штуттгофе с особой жестокостью. Этих патриотов уже в день их прибытия в лагерь зачислили в особую категорию политических, подлежащих скорейшему уничтожению. На их карточках эсэсовцы сразу же ставили так называемую "печать смерти", т.е. красный штамп с шифрованной надписью "Хетцлинг дер Лагерьштубе I" (заключенный I-го лагерного барака).

Научным сотрудникам Штуттгофского музея до сих пор не удалось полностью установить, какие же страшные методы уничтожения применялись к заключенным в бараке смерти "Лагерьштубе I". Но документы говорят о том, что мало кому удавалось выжить там более двух, трех или четырех недель. В эту категорию смертников, например, была зачислена большая часть из тех 285 латышских политзаключенных, которые были привезены в Штуттгоф 8 декабря 1944 года из Вентспилса. Первый из них - Адольф Грамканс умер страшной смертью уже 16 декабря, Арнольд Мауэр - 21 декабря, Волдемар Клявиньш - 22 декабря, Екабс Валдиньш - 28 декабря, Арвид Бергманис - 30 декабря, а с 4 по 8 января 1945 года умерли Янис Кадикис, Арийс Канбергс, Волдемар Суна, Мартынш Бутка, Янис Грабис, Отто Озолиньш и другие латышские советские патриоты.¹⁵

Тогда же, 8 декабря 1944 года, в Штуттгоф была заключена группа подростков и среди них Агация Лине и Инга Верден, по национальности немка, которая родилась 5 декабря 1927 года в Кенигсберге, а до ареста жила в Вентспилсе.

Почему 17-летняя немецкая девушка Инга Верден была арестована вместе с группой латышских советских патриотов, как она была отправлена в лагерь смерти Штуттгоф, как сложилась дальнейшая ее судьба, до сих

пор установить не удалось.

Здесь необходимо отметить, что в годы немецко-фашистской оккупации территории Латвийской ССР там совместно с латышскими, русскими, польскими и другими патриотами против гитлеровцев боролись и несколько десятков немецких антифашистов. Часть из них, так же как Инга Верден, после ареста были заключены в Штуттофе. Среди них был рижский рабочий, по национальности немец, Карл Изерман. Еще в начале 1942 года он включился в работу антифашистской подпольной группы, которой руководил комсомолец Леон Висун. Только в конце июля 1944 года полиции безопасности и СД удалось арестовать на квартире Карла Изермана отважного подпольщика Леона Висуна, его ближайшего соратника - хозяина квартиры и членов его семьи. Карл Изерман и муж его дочери Марии - Антон Козловскис (также активный подпольщик) погибли в Штуттофском лагере.

Осенью 1944 года в Штуттофе была заключена Эва Катарина Хофф (урожденная Пульвермахер), которая родилась в 1901 году в Берлине, а до ареста 24 февраля 1944 года проживала в Риге на нелегальном положении. В транспорте политзаключенных, который прибыл из Риги в Штуттоф 14 сентября 1944 года, было шесть немецких антифашистов: О.Леман (род. в 1911 г.), Г.Фриш (род. в 1890 г.), Г.Бодэ (род. в 1896 г.), И.Лангефельд (род. в 1898 г.) и А.Леман (род. в 1921 г.).¹⁶ Об их дальнейшей судьбе сведений не имеется.

Так треть века спустя благодаря тщательному изучению архивных документов была восстановлена правда о трагической судьбе 7000 латышских советских патриотов в Штуттофском концентрационном лагере.

7 июля 1979 года территорию бывшего гитлеровского концентрационного лагеря Штуттоф посетили и возложили красные розы к памятнику погибшим узникам Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР т.Страутманис П.Е. и заместитель председателя Совета Министров Латвийской ССР тов.Раман М.Л., отец которого также погиб в Штуттофе. И надолго сохранится в памяти всех присутствовавших

слова Петра Екабовича Страутманиса, сказанные им у мемориального памятника жертвам фашизма в Штутгофе: "Вступая на землю Штутгофа, склоняю голову перед светлой памятью погибших здесь мученической смертью жертв фашизма, среди которых было 7 тысяч латышских советских патриотов. Здесь погибли также мой мать и отец - Анна и Екаб Страутманисы. Выражаю искреннюю признательность Правительству Польской Народной Республики и коллективу сотрудников музея Штутгоф за достойное увековечение памяти тысяч мучеников польского, русского, латышского и других народов, погибших на этой древней польской земле. Убежден, что народы мира не допустят повторения таких кровавых злодеяний".

Ссылки на литературу

1. Институт истории Академии наук Латвийской ССР, фонд текущей работы, о.12.
2. Сруога I. Лес Богов. Вильнюс, 1974. 392 с.
3. Архив музея Штутгофского концентрационного лагеря, ф. Воспоминаний, т.12, с.00004.
4. Дунин - Вонсович К. Концентрационный лагерь Штутгоф 1939-1945 гг. Гданьск, 1970.
5. Архив музея Штутгофского концентрационного лагеря, д. I-II-6-148.
6. Там же, картотека узников, карточки № 27 277 - 27 993 и № 28 477 - 28 999.
7. Там же, д. I-II-42.
8. Там же, д. I-II-119.
9. Там же, картотека узников, карточки № 86 011 - 86 778.
10. Архив музея Штутгофского концентрационного лагеря, д. I - III-3208.
11. Подсчет сделан автором статьи на основании документов архива музея Штутгофского концентрационного лагеря.
12. Подсчет сделан на этом же основании.

- I3 Подсчет сделан на основании документов архива музея Штутгофского концентрационного лагеря и материалов научно-исследовательских экспедиций Института истории АН ЛатвССР и краеведов Талсинского района в 1976 и 1977 годах на территории Талсинского, Вентспилесского, Кулдигского и Тукумского районов.
- I4 Подсчет сделан на этом же основании.
- I5 Эти даты взяты из учетных карточек узников, которые хранятся в архиве музея Штутгофского концентрационного лагеря.
- I6 Архив музея Штутгофского концентрационного лагеря, карта-тека узников.

А. Путниньш

ВЛИЯНИЕ АНГЛИИ НА ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
СБЛИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ И БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ (1935 - 1939 гг.)

Советские историки внесли серьезный вклад в изучение внешней политики буржуазной Латвии. Работы В. Спилса, А. Дризула и других исследователей указывают на все возрастающее влияние Германии в стране в годы фашистской диктатуры¹. При этом необходимо учесть, что в 20-х и 30-х годах буржуазная Латвия в своей внешней политике в первую очередь ориентировалась на Англию. По мнению автора, до сих пор еще недостаточно изучена роль Англии в сближении Германии и Латвии. Это особенно относится к периоду развития политико-дипломатических отношений между государствами после заключения англо-германского морского соглашения 18 июня 1935 года.

Так как Великобритания продолжала сохранять значительные экономические и политические позиции в Прибалтике и после подписания англо-германского морского соглашения, считаем, что изучение влияния английской дипломатии на внешнеполитический курс Латвии углубит наше представление о причинах политико-дипломатического сближения буржуазной Латвии с Германией.

В статье рассматривается становление политического курса Латвии в период с июня 1935 г. по июнь 1939 г. Этот период отличается попытками дипломатии Англии направить в определенное русло внешнеполитические отношения Германии с прибалтийскими странами, т.к. правительство Англии было заинтересовано в сближении Третьего рейха с режимами прибалтийских стран. В захватнических устремлениях гитлеровцев разрабатывались планы овладения природными ресурсами прибалтийских стран, планировалось расселение большого количества немцев на захваченных территориях. Фашистская Гер-

мания видела в Прибалтике выгодный плацдарм для нападения на Советский Союз, она стремилась к установлению дипломатической зависимости малых стран Европы посредством подлаживания структуры их экономики к рынку Германии. Начиная с 1935 года Германия заняла первое место в торговом обороте Латвии, укрепила свои позиции в финансовой и промышленной сферах. За многие товары Германия платила больше, чем ее главный конкурент в Латвии — Англия. Правящие круги буржуазной Латвии хорошо понимали, что в результате такого развития Латвия может попасть под полную экономическую зависимость от Германии. Не меньшую опасность для суверенитета Латвии таило в себе движение немецкого меньшинства в Латвии, которое управлялось из Германии.

Латвийская буржуазия ожидала, что Англия, имеющая достаточно большое влияние в Европе, обеспечит суверенитет Прибалтийских стран, в том числе и Латвии. Однако английский империализм своей главной дипломатической задачей в этот период считал необходимость создания условий для конфронтации Германии и Советского Союза. Ради этого Англия была готова уступить Германии свое господствующее положение в малых странах Восточной Европы.

Важным звеном в осуществлении этой политики явилось англо-германское морское соглашение, которое создало благоприятные условия для распространения агрессивной империалистической политики Германии в Прибалтике. Советские историки отмечают, что подписав морское соглашение, Англия "отдала Прибалтику Германии"². Английский буржуазный историк У. Редвей пришел к выводу, что морское соглашение предоставило Германии возможность расширения строительства военного флота, "а такой флот можно было считать хозяином Галлийского моря".³

Для правящих кругов Латвии соглашение явилось неожиданностью, которая ничего хорошего не сулила. Представление о реакции правящих кругов Латвии на это соглашение дают английские документы о внешней политике Великобритании, в которых отмечается всеобщая тревога. Но в то же время в

правлящих кругах Латвии бытовало мнение, которое совпадало с декларациями МИДа Англии о том, что морское соглашение "является базой для дальнейших переговоров о разоружении"⁴. Такая неопределенность в оценке соглашения отразилась и в прессе Латвии. В газетах публиковались материалы, заимствованные из печати других стран. Официальная точка зрения из осторожности не высказывалась.⁵

Внести ясность в оценку создавшегося положения должна была конференция дипломатических кругов Латвии, состоявшаяся в Риге с 28 июня по 3 июля 1935 года. Главный вопрос конференции, как сказал во вступительной речи К.Ульманис (в то время К.Ульманис занимал посты главы Правительства и Министра иностранных дел), "наметить курс дальнейшей деятельности на длительное время"⁶. Конференция должна была дать ответ на важнейший вопрос, от решения которого зависело будущее Латвии - заключать ли с Советским Союзом договор о взаимопомощи, предложенный советским правительством, или нет. Спираясь на такой договор, Латвия могла бы противостоять экспансии Германии. Несмотря на то, что большинство участников выступило за заключение такого договора, конференция неохотно шла на такое решение. В своем выступлении генеральный секретарь МИДа Латвии В.Мунтерс заявил, что "такой договор может быть подписан только после того, когда полностью будет ясно, что Германия и Польша против Восточного пакта, а свое завершающее слово они еще не сказали, и потому сначала надо добиться полной ясности о позиции Германии"⁶. По мнению участников конференции, договор можно было заключать лишь в том случае, если его поддержит Великобритания⁶. Посол Латвии в Советском Союзе А.Билманис заявил, что договор с Советским Союзом надо заключать и "не надо просить советов и согласия ни в Варшаве, ни в Берлине, если только с этим будут согласны в Париже и в Лондоне"⁶. Посол Латвии в Лондоне К.Заринш выступил с заявлением, что "Англия поддержит Латвию, если та (Латвия) заключит договор с Россией"⁶. Однако такое заверение, как оказалось позднее, не имело под собой основы.

В период после конференции Германия осуществила сильное дипломатическое давление на Латвию с целью добиться ее отказа от договора с Советским Союзом¹. Более скрытные действия английской дипломатии также были направлены на срыв возможного сотрудничества Латвии с СССР. После того, как Правительство Латвии объявило Советскому Правительству о готовности заключить договор, Министр иностранных дел Англии С. Хор 11 июля 1935 г. в парламенте заявил, что "Восточный пакт желателен для правительства Англии потому, что, если начнется война в Восточной или Центральной Европе, то она легко приведет к общей войне". 13 июля временно исполняющий обязанности латвийского посла в Англии И. Алберто сообщил в Ригу о выступлении С. Хора⁶. В тот же день английская газета "Таймс" посвятила обширную статью состоявшейся конференции дипломатов Латвии. В ней указывалось, что "... повторные уверения британского правительства о том, что оно придерживается англо-французской декларации от 3 февраля, в которой предусматривалась поддержка заключения Восточного пакта, уменьшили опасения, что заключение Восточного пакта не считается больше актуальной задачей теми, кто ее выдвигал на Западе"⁷. В конце сентября 1935 года правительство Англии открыто заявило о том, что заключение соглашения Латвии с СССР ему не нравится¹. Главным образом из-за отрицательного отношения Англии, а также Германии, Польши и Эстонии, правительство Латвии отказалось от подписания соглашения о взаимопомощи с Советским Союзом. Газета "Дунакас Биняс" поместила статью о результатах конференции дипломатов, которую потом цитировали многие английские издания. Газета уверяла, что, "хотя англо-германское морское соглашение и создало некоторую неуверенность в политике 3 февраля и единого фронта Стреза, основные проблемы остаются теми же. Прибалтийские государства еще больше сблизятся с Западом"⁸.

В связи с лишением немецкого меньшинства рижских гильдий Германия в начале 1936 года через прессу и дипломатическим путем осуществляла сильный нажим на правительство

Латвии. В.Мунтерс в беседе с руководителем германской миссии в Риге Э.фон Шаком весьма решительно выступил против вмешательства Германии во внутренние дела Латвии, заявляя, что "отношения с балтийскими немцами являются нашим внутренним делом и, если это (вмешательство - А.П.) продолжится, то придется считаться с тем, что отношения между Латвией и Германией станут более прохладными" 6. Во время обсуждения вопроса о гильдиях директор Северного департамента МИДа Великобритании Л.Колер советовал "не тревожиться, спокойно и терпеливо переносить все и тогда немцы успокоятся" 6. С другой стороны, документы МИДа Латвии показывают, что Лондон иногда просил Ригу повлиять на Литву в тех случаях, когда правительство Литвы резко выступало против вмешательства Германии во внутренние дела страны. В этих случаях Литва, по мнению английской дипломатии, должна была "успокоиться" 6.

Гитлеровская Германия продолжала наращивать боевую мощь. 7 марта 1936 года немецкие войска заняли демилитаризованную Рейнскую зону. В июле того же года началась интервенция Германии и Италии в Испании. Германия, Италия и Япония заключили антикоминтерновский пакт. В такой ситуации Правительство Латвии было вынуждено видеть в СССР силу, которая способна противостоять экспансии Германии в Восточной Европе.

В этой связи в 1936-1937 гг. произошло известное сближение Латвии с СССР - происходил обмен визитами военачальников, дипломатических представителей и других делегаций. Авторитет миролюбивой политики Советского Союза признавали К.Зариныш и другие дипломаты Латвии 6.

В.Сиполос указывает, что в армии существовало мнение о необходимости выступления Латвии в союзе с СССР в случае войны 1. Такое сближение обеих стран шло вразрез с намерениями английской дипломатии в Прибалтике. Лондон в этой обстановке принял ряд шагов для укрепления своего влияния в Латвии и предотвращения возможного усиления

влияния Советского Союза. Английская дипломатия, как об этом говорят многочисленные факты, стремилась создать впечатление, что Великобритания в "трудный час" поможет странам Прибалтики. Так, в мае 1937 г. Министр иностранных дел А. Иден заявил, что "европейский мир должен остаться неделимым. Если Великобритания в Восточной и Средней Европе и не взяла на себя никаких прямых обязательств, то в случае военных конфликтов, вероятно не будет возможности воздерживаться от вмешательства"⁹.

Дипломатические, экономические контакты Латвии с Англией, в частности, приемы В. Мунтерса (с 1936 года В. Мунтерс Министр иностранных дел Латвии) королем Англии и его дружеские встречи с виднейшими чиновниками МИДа, усилия Англии, увенчавшиеся приемом Прибалтийских стран в Совет Лиги Наций, — должны были прибавить уверенности Латвии в том, что на Англию можно положиться.

Впервые за все существование буржуазной Латвии, как об этом сообщали газеты, в 1937 году ее посетил член английского правительства — заместитель Министра иностранных дел Англии лорд Плимут. Латвийские газеты подробно освещали его визит, отметив, что такое событие свидетельствует об укреплении связей Латвии с Англией⁹. Хотя Плимут неоднократно подчеркивал, что визит является лишь демонстрацией доброй воли, В. Мунтерс в секретном письме к латвийским представителям за границей заявил, что прибытие Плимута "нечто большее, чем просто дружественный визит"⁹. Характерно, что послом Великобритании в Латвии после визита лорда Плимута был назначен М. Орд, который до этого занимал пост директора одного из департаментов МИДа Англии⁹.

Действия английской дипломатии имели успех. Именно после визита лорда Плимута Прибалтийские государства на 6-й конференции Министров иностранных дел в Таллине в декабре 1937 г. решили "осуществлять строгий нейтралитет", что на деле означало отказ от сближения с Советским Союзом⁹. Германская пресса одобрила такое решение. Газета

"Трива земе" 16 декабря 1937 г. в обзоре немецкой печати отмечала: "Еще год назад Прибалтика считала залогом своей безопасности равновесие сил между Советским Союзом и Германией. Сейчас... Германия, в конце концов, не злой волк... Это мнение начало проявляться уже полгода назад".

О том, что Латвия полностью отказалась от сотрудничества с СССР как возможного союзника в обеспечении своей независимости, свидетельствует речь, которую подготовил Мунтерс, а произнес Министр общественных дел А.Герзинис. В речи отмечалось, что Латвия придерживается единственно правильной политики - нейтрального положения между Германией и СССР и что "первостепенное значение имеют наши отношения с Великобританией - нашим крупнейшим экспортным рынком, которая своей уравновешенной и беспристрастной политикой заслуживает доверие всех нас"⁹.

Действия Лондона по "нейтрализации" Латвии объективно способствовали ее сближению с гитлеровской Германией. Не зря в Министерстве иностранных дел временно исполняющему обязанности посла в Берлине А.Стегманису выразили большое удовлетворение в связи с тем, что Министр иностранных дел Латвии на пресс-конференции во время очередной встречи Министров иностранных дел Прибалтийских государств 2 июля 1937 г. заявил, что "Прибалтийские государства хотят остаться полностью нейтральными"⁹.

О том, как выглядел этот нейтралитет после марта 1938 года - захвата Австрии, говорит визит германского крейсера "Мельн" в Ригу весной 1938 года. Прибытие военного корабля подчеркивало заинтересованность Германии в обеспечении своих интересов в Латвии и являлось демонстрацией единства местных немцев с Германией. В донесении агента Политуправлению о визите крейсера отмечено, что "у латышей создалось такое впечатление, будто друзья приехали не к латышам, а к местным немцам"⁶.

Даже после захвата Австрии латвийская печать выражала уверенность в том, что Англия готовится дать отпор аг-

рессивным устремлениям немецкого фашизма¹⁰. Английская дипломатия не окупилась на обещания принять активное участие в европейской политике¹¹. Однако Мюнхенское соглашение показало, что Англия готова отдать малые страны Европы Германии и все ее обещания являются лишь обманом.

"В таких условиях, - пишет В. Сиполс, - фашистская правящая клика стала на путь полной капитуляции перед гитлеровской Германией"¹. 18 ноября 1938 года правительства Эстонии, Литвы и Латвии приняли решение об объявлении нейтралитета, но до полного уточнения реакции Англии и других стран было решено подождать с официальным выступлением⁶. В. Мунтерс посетил Швецию и Данию, которые уже объявили о своем нейтралитете.

Продолжая поездку, руководитель МИДа Латвии 5 декабря 1938 г. прибыл в Лондон, где встретился с премьером Англии Н. Чемберленом, Министром иностранных дел Э. Галлифаксом, имел аудиенцию у короля и участвовал в переговорах с чиновниками Министерства торговли. Несомненно, гостю было оказано большое внимание. Но за всем этим таилось нежелание Англии давать какие-либо гарантии Латвии. В. Мунтерсу дали понять, что Великобритания не будет против того, если Германия захочет "создать государство Украины, зависимое от Германии, если этим будет устранено требование о колониях, а также стремление к продвижению Германии в Азию там, где это затрагивает интересы Англии"⁶. В то же время Н. Чемберлен выразил мнение английской дипломатии, что "... у Третьего рейха не существует устремлений в направлении северо-востока Европы"⁶.

Под все усиливавшимся давлением Германии и без шансов на помощь от Англии, Прибалтийские государства 13 декабря официально объявили о нейтралитете⁶. (Сам В. Мунтерс много лет спустя признал, что это являлось уступкой Германии¹²). В газетах выразилось удовлетворение Третьего рейха принятием такого решения⁶.

После Мюнхена Германия усилила давление на Латвию.

МДГ Германии потребовал от латвийских властей принять решительные меры в борьбе с антигитлеровскими настроениями среди народных масс¹. Тревога немецкой дипломатии была понятна: Коммунистическая партия Латвии призывала народ к борьбе. В резолюции о международном положении, принятой на 26 конференции КП Латвии, состоявшейся 11 февраля 1939 г., партия указывала: "В Латвии гитлеровцы готовятся повторить то же самое, что в Австрии и Судетах. Чтобы можно было успешно противостоять всем этим угрозам, надо добиться объединения всех демократических сил Латвии в едином народном фронте". Партия призывала к свержению правительства К.Ульманиса¹³. Вопрос об ориентации Латвии имел классовый характер, и чем явственнее становилась угроза Германии, тем все более это было заметно. По сообщениям агентов Политуправления Латвии, после создания Германией протекторатов Големии и Моравии "в среде латышей... в связи с германской экспансией выражается весьма острое противогерманское настроение, особенно у рабочих, крестьян, в армии. Часть богатейшей интеллигенции (крупной буржуазии - А.П.) относится к германской экспансии сдержанно и не считает возможное подчинение Латвии Германии особым злом"⁶.

Правительство Латвии пыталось усыпить бдительность народа заверениями о том, что немецкий милитаризм не угрожает Латвии. Так, директор политического департамента МИДа А.Стегманис объявил, что "Германия может идти на Восток, что, "по его мнению", Прибалтики не коснется.., нет сомнений, что созданы условия для нарастания давления Германии в юго-восточном направлении"¹⁴.

Надежды на то, что Германия "выберет" юго-восточное направление, исчезли после захвата Клайпеды (Мемеля - А.П.) немецкими войсками. К.Бариньш сообщал в Ригу о статье в газете "Манчестер Гардиан", где, в частности, писалось: "Если недавно еще казалось, что Германия считает Украину наиболее уязвимым местом России и хочет подойти с этой стороны, то по новой теории еще выгоднее напасть на Россию

с северо-востока, через Прибалтийские государства, наступая одновременно с воздуха и морем" 6.

Английское правительство совместно с французами заявили о готовности оказать помощь Польше, Румынии, Греции и Турции. Прибалтийские государства такого предложения не получили. Таким образом Германии было "подсказано" прибалтийское направление для нападения на Советский Союз. Такого мнения придерживается и английский буржуазный историк П. Рейнольдс, который считает, что "гарантии" Польше и Румынии означали, что Гитлер мог напасть на Советский Союз, не затрагивая Англию и Францию, через узкий коридор Прибалтийских стран¹⁵. Характерно то, что в период после захвата Клайпеды чиновники английского МИДа избегали приезжать в Латвию даже по приглашению 6. В то же время представитель Англии в Прибалтике М. Орд, а также посол Франции, по словам В. Мунтерса, "не могли дать никакой информации, никакой деятельности не развивали, если не считать того, что у них дома в значительном количестве бывало общество местных немцев" 6. Такие действия английской дипломатии привели МИД Латвии к сомнению в искренности заверений Великобритании. Газета "Тэвиас Саргс" писала, что "вряд ли Англия возьмет на себя далеко идущие обязательства" 6.

В то же время латвийское правительство старалось создать впечатление, что Латвия находится в безопасности. В. Мунтерс, выступая на совместном заседании Палаты труда и работников профсоюзов, категорически отрицал "распространенные во внутренней и зарубежной прессе слухи о том, что Германия осуществляет нажим на Латвию", заверяя, что бояться Германии не следует 6. Министерство внутренних дел разослало директивы префектам, начальникам уездов и другим чиновникам государственного аппарата, в которых было указано, что "слухи о безвыходном положении нашего государства в связи с последними событиями в Центральной Европе должны энергично пресекаться; о лицах, распространяющих злостные сведения и слухи, следует сообщать в соответствующие органы" 6. 30 марта Политуправление Латвии выслало

рекомендацию, в которой указано, что с теми, кто открыто приветствует друг друга возгласом "Адиль Гитлер", следует обращаться очень осторожно⁶. По словам посла Латвии в Гельгии И.Валтерса, "Латвия постепенно входила в "духовную сферу" Германии"⁶.

20 апреля германское правительство через секретаря своего посольства в Великобритании прозондировало возможности заключения договора о ненападении с Латвией (разговор шел с А.Зариным). На официальное предложение Министра иностранных дел Германии латвийское правительство ответило положительно⁶. О предложении Германии было сообщено в Лондон, но английское правительство никаких рекомендаций не дало. МИД Великобритании также получил сведения о требованиях Германии к Латвии в связи с переговорами о заключении договора о ненападении⁶. Кроме требований, касающихся положения немцев в Латвии, "Германия считала необходимым, чтобы Латвия заявила о своем несогласии с распространением на нее англо-франко-советских гарантий"¹. Молчание английской дипломатии говорило о том, что Латвия не может надеяться на поддержку Англии и что Великобритания не противодействует сближению Прибалтийских стран с Германией. Именно так латвийская дипломатия и понимала тогда действия английского правительства. Письмо В.Мунтерса от 26 апреля 1939 г. к представителям Латвии за границей свидетельствует о том, что он не считал реальными гарантии, данные Великобританией Польше, Гумнии и Греции. В.Мунтерс отмечал, что эти гарантии не означают "реальное обязательство не допускать впредь актов насилия"¹.

22 мая В.Мунтерс встретился в Женеве с Э.Галифаксом, и во время беседы Министр иностранных дел Латвии отметил, что "положение Прибалтийских стран значительно облегчится, если между СССР, Францией и Англией будет заключен пакт о взаимопомощи с предоставлением гарантий указанным государствам"¹⁶. Э.Галифакс проинформировал правительство Великобритании о беседе. Однако это ни в малейшей мере не изменило позицию Англии на переговорах в Москве.

В этих условиях Латвия 7 июня 1939 года подписала с

Германией договор о ненападении. С тем самым Латвия на этом этапе по существу вошла в сферу влияния Третьего Рейха. Ч.Зариньши сообщила правительству Латвии о том, что в Лондоне полностью одобряют заключение договора⁶.

Ссылки на литературу

- I Сиполо В. Тайная дипломатия. Рига, 1968.
- Drīzulis A. Latvija fašisma jūgā (1934.-1940.). Rīga, 1959.
- 2 Пести М. Внешняя политика буржуазной Эстонии на службе англо-американского и германского империализма в годы фашистской диктатуры (1934-1940 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, с.10.
- 3 Reddaway W. Problems of the Baltic. Cambridge, 1940, p. 36.
- 4 Documents on British foreign policy. 1919.-1939. Series 2, vol. 13. London, 1973, p. 521.
- 5 Jaunākās Zinas, 1935, 20. jūn.; Brīvā Zeme, 1935, 21. jūn. Сегодня, 1935, 20 июля.
- 6 ЦИТА ЛатвССР.
- 7 Times, 1935, 13. jūl.
- 8 Morning Post, 1935, 11. jūl., Times, 1935, 13. jūl., Jaunākās Zinas, 1935, 11. jūl.
- 9 Jaunākās Zinas, 1937, 20. maijā.
- 10 Rīts, 1938, 27., 28., 29., apr.
- II Jaunākās Zinas, 1938, 1. apr.
- I2 Munters V. Pārdomas, Rīga, 1963. 17. lpp.
- I3 LKP kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. Rīga, 1958, I d. (1904.-1940.), 612.-614. lpp.
- I4 Jaunākās Zinas, 1939, 10. janv.
- I5 Reynolds P. British foreign policy in the inter-war years. L. N.-Y., Toronto, 1954, p. 187.
- I6 Цикваидзе А. АНГЛИЙСКИЙ КАБИНЕТ накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976, с. 272-273.

А. Варславян, А. Зузда

ПРОТИВ ГЕРМАНСКОГО ПРЕОБЛАДАНИЯ В ИМПОРТНО - ЭКСПОРТНОМ
БАЛАНСЕ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ: ПРИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
(1930 - 1933 гг.)

В 1929-1933 гг. капиталистический мир переживал невиданный кризис, который по своей продолжительности, глубине, объему и разрушительному воздействию вошел в историю как мировой экономический кризис. В поисках выхода из трудностей мировая буржуазия, в том числе и британская, усилила эксплуатацию трудящихся, пыталась взвалить тяжесть кризиса на плечи других стран. В частности, была активизирована экспортная политика Великобритании в Прибалтике, ослаблены экономические позиции Германии в этом регионе и достигнута переориентация внешней торговли Латвии на Англию. В 1933 г. от общего внешнеторгового оборота (по стоимости) Латвии с Англией было связано уже 31,6%, с Германией - только 25% (I, 164-165).

Экономические и политико-дипломатические отношения между Великобританией и буржуазной Латвией в годы мирового экономического кризиса носили выражено неравноправный характер. В области экономической правящие круги Латвии были заинтересованы в сохранении сложившейся в предшествующие годы ситуации - их вполне устраивала роль поставщика сырья и продовольственных продуктов для Англии, которую играла их страна. В сложных условиях кризиса такое положение причиняло экономике Латвии ощутимые убытки и способствовало дальнейшей эксплуатации последней, усиливая ее зависимость от иностранного капитала.

В 1929 г., с началом мирового кризиса, политика фритрейдства более уже не отвечала сложившимся условиям, и одной из тех мер, с помощью которых британский капитал пытался преодолеть экономический кризис, был переход к протекционизму (2, 211). Обращение к протекционизму, как указывал XII пленум Исполкома Коминтерна в 1932 г., "означает

ныне переход к новому сильному обострению торгово-политических отношений важнейших капиталистических стран". 3,7

Буржуазные газеты Латвии уже в январе 1930 г. с беспокойством отмечали, что влиятельные деятели консервативной партии лорды Бивербрук и Ротермир призывали в лондонской печати к введению защитных пошлин (4, 23.01). Еще большее беспокойство в Латвии вызвало выступление лидера консервативной партии С.Волдуина 6 апреля 1930 г. в манчестере, в котором он сообщил: "Свободной торговле, господствовавшей в Англии на протяжении трех поколений, пришел конец" (5, 5.136).

2 июля 1930 г. по инициативе лордов Бивербрука и Ротермира состоялась встреча виднейших финансистов и промышленников Англии, на которой была принята резолюция, требовавшая свободной торговли между составными частями империи и одновременного введения пошлин на торговые связи с другими странами (5, 8-9.119). Журнал деловых кругов Латвии "Экономистс" в ноябре 1930 г. отмечал, что эту резолюцию поддержали 14 наиболее выдающихся деятелей финансового мира Англии (5, 899).

Руководитель западного отдела Министерства иностранных дел буржуазной Латвии Л.Окис писал осенью 1930 г., что латвийским производителям также следует взвесить, сумеют ли они без радикальных перемен поддерживать на прежнем уровне торговлю с Англией (6, 903). Таким образом, еще до введения всеобщего таможенного тарифа Англии дипломаты "независимой" буржуазной Латвии, по-видимому, уже обдумывали возможные уступки.

Пессимистическое настроение в деловых кругах буржуазной Латвии стало нарастать, когда в сентябре 1930 г. Конгресс британских тредьюнионов положительно оценил введение защитных пошлин. Латвийский атташе по сельскохозяйственным вопросам в Лондоне Э.Золманис в своем донесении в сентябре 1930 г. писал, что и "лейбористская партия признает необходимость защитных пошлин" (7, ф.4597, оп.8, д.18, л.126). В сентябре 1930 г. Имперский экономический союз - органи-

зация, объединявшая крупнейших промышленников и финансистов Англии, потребовал ввести защитную пошлину на все импортируемые промышленные товары и большую часть ввозимых сельскохозяйственных продуктов (8,8-18). Этот вопрос обсуждался также на открывавшейся 1 октября 1930 г. в Лондоне конференции стран Британской империи. Вследствие взаимных противоречий никакого конкретного решения по нему это совещание не приняло, оставив его на разрешение следующей конференции (4,16.10; 9, 43).

Введение всеобщей пошлины в Британской империи угрожало хозяйству и, в особенности, экспорту буржуазной Латвии серьезными осложнениями. В рижской экономической периодике осенью 1930 г. стали высказываться пожелания, что в случае, если Англия введет всеобщую пошлину и откажется от принципа наибольшего благоприятствования во взаимоотношениях с другими странами, желательно было бы, чтобы в этой великой державе был введен средний (*intermediate*) таможенный тариф, дающий преимущество тем иностранным государствам, которые, не входя в состав Великобритании, в силу других обстоятельств тесно связаны с последней в политическом и экономическом отношении (6,901).

Пришедшее в августе 1931 г. к власти многопартийное "национальное правительство" стало открыто претворять в жизнь отказ от фритредерства и переходить к введению всеобщей пошлины. Фраза " *buy british* " стала очень популярной в Англии. Генеральный консул буржуазной Латвии в Лондоне Л.Сея в сентябре 1931 г. в своем донесении президенту министров К.Ульманису писал, обсуждая протекционистские тенденции в экономической политике Англии: "В том, что Англия вскоре отбросит принцип фритредерства... нет больше никаких сомнений" (7).

В октябре 1931 г. вопрос о введении всеобщей пошлины был решен английским парламентом положительно. Уже в ноябре того же года парламент утвердил закон о нежелательном импорте (*abnormal importations duties*), предоставляющий право облагать пошлиной в размере до 100% стоимости все промыш -

ленные изделия, ввозившиеся в Англию "в нежелательном количестве" (10, 199). Изданное на основании этого закона распоряжение (Order Np.1) облагало 50%-ной ввозной пошлиной также латвийские бумажные изделия (7). Объявленное 3 декабря распоряжение министерства внешней торговли (Order Np.2) облагало 50%-ной ввозной пошлиной новую группу товаров (7). Принятые меры пока существенно не затрагивали еще вывоз буржуазной Латвии. Однако правительство Англии не ограничилось этими шагами в направлении протекционизма и в марте 1932 г. утвердило всеобщую 10%-ную ввозную пошлину (II, 7.256). Это уже непосредственно ударило по основным интересам латвийского экспорта, ибо масло, фанера и другие товары на английском рынке подлежали обложению всеобщей ввозной пошлиной.

Таможенные мероприятия британского правительства свидетельствовали о том, что Англия была ослаблена в экономическом отношении и защищалась от своих конкурентов, одновременно изыскивая выход за счет подчиненных партнеров. Под влиянием принятых таможенных законов импорт Великобритании в 1932 г. сократился на 100 млн. фунтов стерлингов (2, 21). Новая таможенная политика позволяла Англии навязывать свои условия и требовать преференций у тех стран, которые были заинтересованы в британском рынке. Даже пресса буржуазной Латвии вынуждена была признать, что новый английский торговый закон о всеобщей 10%-ной пошлине был воспринят в Латвии без восторга (12, 3.03). Генеральный консул Л. Сея в своем донесении Министру иностранных дел констатировал, что "наиболее болезненно нас может затронуть пошлина на масло, если, принимая во внимание положение в Германии, мы снова попытались бы направить свой экспорт масла в Англию (7, ф. 4597, оп. 8, д. 18, л. 57). Таким образом, буржуазная Латвия, представлявшая собой аграрный придаток капиталистических стран Западной Европы, была полностью подвержена колебаниям и переменам в экономической жизни этих стран - политике цен и пошлин, торговой конъюнктуре и пр.

"Национальное правительство" "уничтожило свободную торговлю в Англии" и ввело вместо нее систему полнейшего

протекционизма, приравняв Великобританию и странам экономического национализма (13, 51). Оценивая эти явления в капиталистическом мире, XII пленум Исполкома Коминтерна делал вывод, что кризис расколол экономику капиталистического мира на мелкие осколки, коренным образом изменив экономическую политику, ибо капиталистический мир захлестнула волна экономического национализма (развитие протекционизма и отказ от свободной торговли, запрет вывоза валюты, таможенные войны, система контингентов, система преференций и т.п.) (14, 976). С этого времени каким бы то ни было разговорами о сотрудничестве в решении экономических вопросов со стороны Великобритании больше не было места. Протекционизм выкристаллизовался в качестве новой экономической политики (15, 60-61).

С началом экономического кризиса правительство буржуазной Латвии также было вынуждено пойти на повышение пошлин и ограничение импорта. Позиция его в решении этой проблемы была весьма неопределенной и неустойчивой. Правительство Латвии очень часто изменяло условия ввоза зарубежных товаров и вывоза собственной продукции. Имела место также значительная дифференциация в обложении пошлиной. Это объясняется различной ориентацией отдельных группировок деловых кругов Латвии во внешней торговле, равно как и борьбой между промышленными, банковскими и торговыми кругами за таможенные привилегии. Важное влияние на таможенную политику Латвии оказывало вмешательство тех государств, которые играли решающую роль в ее экономике, в особенности во внешней торговле. В результате давления экономических кругов этих государств зачастую пересматривались таможенные тарифы и даже отменялись пошлины на отдельные импортируемые товары. Например, 30 декабря 1931 г. британский посланник в Риге И.М.Нетчбулл-Хьюджессен направил Министерству иностранных дел Латвии ноту, в которой потребовал увеличить квоту ввозимых из Англии товаров, обращая особое внимание на изделия из хлопка и шерсти (7). Руководитель западного отдела Министерства иностранных дел Л.Экис в своем мемо -

рандуме от 2 января 1932 г., адресованном Комитету по регулированию импорта Министерства финансов, указал: "кабинет министров придерживается мнения, что эти предложения, внесенные английским посланником, в пределах возможного должны быть приняты, т.е. при определении контингентов следует пойти навстречу англичанам" (7).

Несмотря на то, что изданные латвийским правительством таможенные тарифы резко не ограничивали объем импорта английских товаров, журнал "Экономистс" в 1932 г. озабоченно отмечал, что "чрезмерное стремление отгородиться от иностранных изделий может отрицательно сказаться" на латвийском экспорте "и по крайней мере затруднить путь в Англию, куда ему в ближайшее время волей неволей придется продвигаться" (II,II.432). Еще более откровенно в этой связи высказался тогдашний руководитель административно-юридического отдела Министерства иностранных дел В.Мунтерс, подчеркнувший, что, принимая чрезвычайные меры в области торговой политики, правительству следует действовать очень осмотрительно, так как это может оказать весьма неблагоприятное воздействие в будущем на малые страны (II,2I.756-757). Всего за годы экономического кризиса латвийский сейм внес не менее 100 изменений и исправлений в таможенные тарифы и условия регулирования импорта; постановлением сейма от 28 июня 1932 г. это право было предоставлено кабинету министров; было создано несколько комиссий и советов по регулированию импорта (I6,I75; ф.4595, ок. I, д.6595, л.31; оп.2, д.506, л.10).

Деловые круги Великобритании весьма остро реагировали на изданный в Латвии 17 февраля 1932 г. закон о регулировании импорта. Всего через несколько дней 20 февраля британский посланник И.М.Натчбулл-Хьюджессен направил правительству буржуазной Латвии ноту. В ней указывалось на то, что "в связи с нынешними таможенными тарифами и прочими ограничениями сложились серьезные трудности и препятствия интересам британской торговли" (7, ф.4597, оп.8, д.18, л.66). Британский посланник без стеснения давал рекомендации лат-

вийскому правительству о том, что следует предпринять для устранения различий в точках зрения обеих стран по вопросам экономической политики. Министр иностранных дел Латвии К.Заринь в марте 1932 г. в своем ответе британскому посланнику оправдывался, указывая, что "правительство Латвии ввело запреты и ограничения во внешней торговле такие же, как во многих государствах Европы". Он обещал посланнику добиться, чтобы валютная комиссия гарантировала фирмам сравнительно крупные суммы для закупки английских товаров (7.ф.4597, оп.8, д.18, л.53-54). Этот ответ отражает то понимание, которое встречали британские интересы в правительственных кругах Латвии, угрождавших иностранным капиталистам в ущерб интересам своей страны.

Британские деловые круги также осуществили нажим на датвийского генерального консула в Лондоне Л.Сек. 5 марта 1932 г. его посетил председатель Британской торговой палаты Дж.Колвилл, указавший на трудности, которые приходится преодолевать представителям британской торговли при реализации своих товаров в Латвии. Дж.Колвилл обратился за помощью и в британское Министерство иностранных дел, требуя "предпринять в отношении каждого государства в отдельности те меры, которые наилучшим образом соответствуют конкретному случаю" (7.ф.4597, оп.8, д.18, л.60). Демарш британских деловых и политических кругов можно считать повторным намеком правительству буржуазной Латвии на то, что Великобритания в своей внешней торговле впредь будет требовать полной экономической компенсации.

Консул британского департамента внешней торговли в Риге К.А.Эдмонд, характеризуя экономические условия в Латвии, подчеркнул, что принятое правительством повышение таможенных тарифов, регулирование валютной торговли и введение квот тяжело скажется на латвийском экспорте и не сулит успеха (17,991). Это было новым косвенным указанием латвийскому правительству на характер его экономической политики в отношении Великобритании. Советы о приспособлении экономической политики латвийского правительства к

интересам Великобритании высказал консервативный член английского парламента А.Борсом, находившийся 2 октября 1932 г. в Риге. Он указал на необходимость выровнять торговый баланс между Латвией и Великобританией в пользу последней, так как до недавнего времени в торговле с Латвией он был пассивным (I2, I, IC). Следует отметить, что Германия в данный период, столь активной экономической политики в буржуазной Латвии и других малых Прибалтийских странах не вела, ибо она больше внимания обращала на другие, более важные для нее регионы.

Подобную же информацию о давлении британских экономических кругов на Латвию осенью 1932 г. приводит в своем конфиденциальном донесении Л.Сей. Последний указывает, что "необходимо открыто пойти навстречу интересам Англии, так как существующие в правительственных и деловых кругах Великобритании настроения ставят наш экспорт в исключительно опасное положение и заставляют нас считаться с возможными репрессиями" (7, ф. 4592, оп. 3, д. 106, л. 36-39). Естественно, латвийский генеральный консул ничего не сказал о том, что такого рода действия представляют собой открытый диктат и вмешательство Великобритании в дела других государств, но дал лишь совет, как выполнить предъявленные требования, указав, что "в Англии ничто не встретит более благоприятного отклика в правительственных и деловых кругах, как заказы на уголь" (7, ф. 4592, оп. 3, д. 106, л. 38).

Степень "равноправия" во взаимоотношениях между Латвией и Великобританией выявилась со всей очевидностью в донесении Л.Экиса от 16 сентября 1932 года, в котором сообщалось, что "английский представитель, бывший британский посланник в Риге Дж.Эддисон весьма недоброжелательно отнесся к участию представителя Латвии Ю.Фельдманиса в международной конференции в Стресе", на которой обсуждался вопрос о возможностях выхода аграрных стран из кризиса (7, ф. 4597, оп. 8, д. 21, л. 24). Это лишний раз подчеркнуло, что взаимоотношения государств в рамках капиталистической системы определяются не принципами равноправия, а соотношением сил.

Уже на состоявшейся в октябре 1930 г. конференции стран Британской империи метрополия выдвинула предложения, которые должны были облегчить реализацию ее товаров на рынках доминионов. Однако по экономическим вопросам Англии на этой конференции не удалось прийти к соглашению со своими доминионами, ибо она требовала чрезмерных уступок со стороны последних (2, 217). В 1930 г. было достигнуто соглашение по поводу созыва новой имперской экономической конференции в Оттаве, которая должна была решить вопросы экономических взаимоотношений Англии и ее доминионов.

Накануне ожидаемой конференции правительственные, дипломатические и деловые круги буржуазной Латвии проявляли большой интерес к ее возможным последствиям. В своих докладах в декабре 1931 г. и в феврале 1932 г. Министру иностранных дел К. Зарино латвийский посланник в Лондоне Фр. Весманис отмечал, что, по данным его зондажа, основные принципы экономической политики британского кабинета определяются после Оттавской конференции, и лишь после ее завершения британское правительство предлагает приступить к переговорам с иностранными государствами по вопросам внешней торговли (7, ф. 4597, оп. 8, д. 18, л. 73, 91). Столь выраженный интерес деловых кругов Латвии к британской экономической политике накануне Оттавской конференции в значительной мере объясняется тем, что в 1932 г. после обострения экономического кризиса латвийский экспорт в Германию сильно сократился и Англия осталась основным импортером латвийских товаров (II, 18.658). Роль "спасителя" других стран (в интерпретации английских публицистов) была для Великобритании далеко не приятной обязанностью. Э. В. Т. Ньюмен писал: " Фактом является то, что многие нации в мире смотрят на Англию как на помощника в преодолении их трудностей ... в особенности это относится к странам Северной Европы и Прибалтики " (18, 252) .

Деловые круги Латвии в этих условиях были весьма обеспокоены протекционистскими тенденциями в экономичес-

кой политике Великобритании. Зачастую на страницах латвийской буржуазной печати появлялись для общественного мнения успокоительные высказывания, выражавшие "тайную" надежду на то, что англо-латвийской торговле не угрожает катастрофа, так как доминионы-де не в состоянии в полном объеме удовлетворить британский рынок (19).

В июле-августе 1932 г. в Оттаве состоялась Британская имперская экономическая конференция, которая завершилась подписанием 12 двухсторонних торговых договоров между Англией и ее доминионами. Принятая система преференций открыла рынок британской империи от импорта из других стран и делала английские товары более конкурентоспособными (20, 525). Оттавская конференция имела также антисоветскую направленность. Ее решения ставили в невыгодное положение англо-советскую торговлю, так как по требованию Канады ограничивали советский экспорт в Англию (21, 248-249). Обострение всех противоречий империалистической системы происходило одновременно с обострением противоречий между СССР и окружающим капиталистическим миром. В ноябре 1932 г. распоряжением британского Министра финансов решения Оттавской конференции были введены в силу (12, 16, II).

В дальнейшем экономические отношения буржуазной Латвии и Англии стали строиться на основе этих решений.

Первый удар, нанесенный деловым кругам Латвии после Оттавской конференции, заключался в том, что латвийское масло, ранее ввозившееся в Англию беспошлинно, теперь стало облагаться пошлиной в размере 15% от стоимости товара. Кроме того, Англия обещала доминионам установить дополнительную пошлину на ввозимые из-за границы яйца и мясо (11, 18, 657). Тем самым обеспечивались значительные преимущества для экспортируемых в метрополию сельскохозяйственных продуктов доминионов и одновременно снижалась конкурентоспособность товаров других стран, в том числе и латвийских. После Оттавской конференции 10%-ной пошлиной были обложены 53,6% экспорта буржуазной Латвии, а 11-20%-ной пошлиной - 12,6% (22, 6). Латвийские дипломаты не мог-

ли отрицать того, что Оттавская конференция должна была вызвать обострение борьбы между малыми аграрными капиталистическими странами за место на международном рынке (7). Буржуазной Латвии пришлось смириться с "духом Оттавы" и закрыть глаза на убытки, которые повлекли за собой решения конференции. Она не могла отказаться от экономических связей с Великобританией (несмотря на то, что в системе этих связей зависимость буржуазной Латвии усиливалась), так как в годы кризиса было очень мало возможностей экспортировать свою продукцию в других направлениях, в частности в Германию, которая на протяжении всего периода существования буржуазной Латвии, являлась одной из ее основных торговых партнеров.

Газета "Известия", излагая содержание английской "Таймс", писала, что Оттавская конференция задержала развитие тенденции к экономической изоляции между отдельными частями империи (23). После конференции Англия со всей определенностью заявила о своем намерении открыть доступ на свой рынок только тем странам, которые могут предложить ей компенсацию. Стало ясным, что в этой связи Англия была заинтересована в пересмотре существующих торговых соглашений, в том числе и договора с Латвией.

Одним из важнейших шагов правительства Великобритании на пути к протекционизму были принятые осенью 1931 г. меры по изменению курса собственной валюты. Признаки финансового кризиса в Европе стали более ощутимыми в мае 1931 г. Его последствия в виде быстрого сокращения золотых запасов в июне-августе стали ощущаться и в Англии (24, 95). В августе "национальное правительство" получило для предотвращения кризиса заем в размере 80 млн. фунтов стерлингов от американских и французских банков, который использовало целиком для обмена бумажных фунтов стерлингов на золото. Положение усугубилось в начале сентября, когда начали таять не только золотые резервы Английского банка, но и золотой запас коммерческих банков (2, 194-195).

В печати буржуазной Латвии в этот период стали появ-

ляться тревожные сообщения о финансовом положении Англии (25, 16, 09). Попытка успокоить общественное мнение, "Дунакас зиняс" в то же время писала, что в случае, если бы Англия отказалась от золотого стандарта, "латвия кое - что выиграет бы" (25, 16, 09). Газета, по-видимому, надеялась, что с отказом Англии от золотого стандарта и падением курса фунта стерлингов сократится также размер латвийского долга ей.

21 сентября 1931 г. Великобритания объявила об отказе от обмена фунтов стерлингов на золото, оценивая этот факт, британский экономист А.Т.А. Грант писал, что он "выявляется поворотным пунктом в экономической политике Англии от международного сотрудничества к протекционизму" (15, 61). Отказ Великобритании от золотого стандарта вызвал смещение в деловых кругах буржуазной Латвии и оказал заметное воздействие на экономику (26, 25, 22, 09). Это отозвалось на курсе латвийского лата, увеличило отток иностранных капиталов, способствовало всеобщей экономической нестабильности. В течение двух недель валютные запасы латвийского банка сократились на 2,5 млн. латов (27, 726). Отказ от золотого паритета фунта вызвал падение цен на латвийскую продукцию на международном рынке. Так, например, журнал "Тимбер трейдс джорнэл" в октябре 1931 г. писал, что британские фирмы впредь будут оплачивать контракты с поставщиками лесоматериалов в бумажных фунтах стерлингов, не имеющих золотого покрытия, и что это причинит поставщикам примерно 20%-ные убытки (28, 226).

После отказа от золотого стандарта Великобритания сделала попытки искусственно понизить стоимость фунта стерлингов, что способствовало повышению конкурентоспособности ее товаров на международном рынке. Результативность этих мер подтверждается ростом удельного веса Великобритании в мировой торговле: в 1931 г. он составлял 9,4%, а в 1932 г. - 10,9% (2, 210). Положение Латвии на международном рынке ухудшилось благодаря тому, что она продолжала сохранять прежний золотой паритет лата. Британ-

ский экономист Дж. Лоутри считал это искусственным и формальным (29, 156). В годы кризиса буржуазная Латвия не в состоянии была гарантировать обмен лата на золото, и фактически ее валюта не имела золотого покрытия. Такое формальное сохранение золотого стандарта в годы экономического кризиса отнюдь не означало, что латвийские финансы оказались стабильнее британских. Именно вследствие слабости своей экономики Латвия не решалась отказаться от золотого стандарта, что обострило бы инфляцию и увеличило нестабильность курса валюты. Сохранение золотого паритета лата делало латвийскую продукцию значительно менее конкурентоспособной по сравнению с продукцией британских доминионов.

девальвация фунта стерлингов причинила большой ущерб латвийскому торговому флоту. министр-президент Латвии М. Скуенек вынужден был признать, что "это заставило наши (латвийские - авт.) суда на протяжении ряда месяцев и даже полугодия плавать за плату, не покрывающую издержек". Тоннаж латвийского торгового флота сократился с 200 тыс. т в январе 1932 г. до 186 тыс. т в мае 1932 г. (30, 400-401).

Меры по развитию протекционизма, принятые Великобританией в годы экономического кризиса для укрепления собственной финансовой системы, причинили экономике буржуазной Латвии значительные убытки и увеличили ее зависимость от этой великой державы.

Экономические взаимоотношения и экономическая политика Великобритании и Латвии в годы частичной временной стабилизации капитализма определялись договором о торговле и мореходстве, заключенным 22 июня 1923 г. Принципы этого договора в целом соответствовали тем экономическим и политическим условиям, которые определялись в соответствующий период местом и ролью контрагентов в империалистической системе (31, 61). Англо-латвийский договор устанавливал принцип наибольшего благоприятствования в торговле между обеими странами. Правительство буржуазной Латвии подчеркивало не столь экономическое, как особенно

политическое значение этого факта, объявляя его большим достижением своего государства. Отдельные отступления от этого принципа якобы в пользу буржуазной Латвии допускались пунктом "о балтийской клаузуле" (the Baltic Clause), который косвенно способствовал распространению английского влияния в остальных прибалтийских государствах и создавал иллюзии возможности экономического проникновения Англии в Советский Союз (32, 3-4; 18,94; 31,66), Буржуазная печать Латвии предполагала, что "балтийская клаузула" будет содействовать "оближению и сдвиганию" Латвии, Литвы и Эстонии под английским контролем (33, 41).

Начало экономического кризиса капитализма привело не только к ограничению и изменению основных принципов англо-латвийского торгового договора 1923 г., но даже к полному отказу от него, выразившемуся в подписании 6 июля 1933 г. временного торгового соглашения (34), В условиях кризиса, с изменением конъюнктуры торговля представляла собой ту сферу экономического сотрудничества Великобритании и Латвии, которая, в первую очередь подвергалась ревизии существовавших договорных отношений.

Необходимость ревизии экономических договорных отношений Великобритании с ее торговыми партнерами стала особенно популярной в деловых кругах и органах печати Великобритании после Оттавской конференции. Газета "Таймс" в октябре 1932 г. писала, что Федерация британской промышленности вручила Министру внешней торговли меморандум с требованием заключить в ближайшее время новые торговые договоры с иностранными государствами (35). Ввиду сложившихся условий торговый договор 1923 г. между Великобританией и Латвией также подвергся изменениям в духе этой экономической политики. В британских деловых кругах указывалось на необходимость увеличить экспорт Англии и делались намеки на возможность отказа от принципа наибольшего благоприятствования в экономических взаимоотношениях между обоими государствами (36, 21.772). Правительство буржуазной Латвии наивно рассчитывало, что для сохранения этого принципа

на в англо-латвийских отношениях оно сумеет использовать прецедент торговых переговоров между Великобританией и скандинавскими странами, состоявшихся в ноябре - декабре 1932 г. (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 76), Правительство и деловые круги Латвии как будто закрывали глаза на то, что экономический кризис привел к заметному обострению межгосударственных отношений, к усилению конкуренции и давления сильнейших на более слабых. Даже буржуазный экономист Я. Бокалдер, оценивая перемены, происшедшие в торговых отношениях, вынужден был констатировать в начале 1933 г., что "значение принципа наибольшего благоприятствования подвергалось значительному ограничению" (36, I, 3).

В такой ситуации британский посланник в Риге И.М. Нетчбулл-Хьюджесен 10 декабря 1933 г. вручил латвийскому правительству меморандум, в котором указывалось на необходимость пересмотреть экономические договорные отношения между обеими странами (36, 5.182). В меморандуме британского Министерства иностранных дел подчеркивалось, что в ближайшее время необходимо начать переговоры об уточнении основных принципов будущих англо-латвийских экономических отношений с учетом новых обстоятельств (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 76) и что с началом этих переговоров Великобритания автоматически отменит таможенные уступки, которые она предоставляла другим государствам, связанным с нею договорами о наибольшем благоприятствовании (7). Буржуазной Латвии не оставалось ничего другого, как примириться с этим проявлением великодержавного эгоизма.

Уже самое начало торговых переговоров с Латвией британское правительство пыталось использовать для нажима на внешнюю политику последней. В меморандуме, врученном британским посланником, указывалось, что Великобритания отрицательно относится к дальнейшему предоставлению Латвией таможенных преимуществ товарам из Советской России, основанному на так называемой "балтийской клаузуле", установленной договором 1923 г. (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 80). Осенью 1932 г., вскоре после Оттавской конференции, Великобрита-

ния денонсировала временное англо-советское торговое соглашение и выразила желание, чтобы такой же антисоветской политики придерживалась Латвия, для которой это означало осложнение экономических связей с Советским Союзом. При-способляясь к этим "пожеланиям", буржуазная латвийская пресса писала: "Хорошо было бы, если бы после неудач с русскими наше общество переориентировалось бы в направлении Западной Европы (читай: Англии.- авт.)" (37, 8.02). Бри-танская пресса в этот период, выражая взгляды правительст-венных и деловых кругов, также писала, что "в экономичес-ких отношениях с Латвией Великобритания в будущем потре-бует от последней отказаться от преимуществ, предоставляе-мых России в соответствии с "балтийской клаузулой" (36, 400) Зависимость буржуазной Латвии от Великобритании, равно как и узкоклассовая позиция правящих кругов, не позволяли ей протестовать против таких требований, противоречащих прин-ципам торгового договора 1923 г. и национальным интересам. Комментируя его, газета "Дунакаса зиня" писала, что "с пе-реходом Англии к новой торговой политике нам придется тер-петь известные убытки" (37, 8.02).

Кабинет министров Латвии на своем заседании 13 января 1933 г. утвердил состав делегации на торговых переговорах с Великобританией. В нее вошли директор департамента про-мышленности и торговли А.Кацен и руководитель за-падного отдела Министерства иностранных дел Л. Экис (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 77). 17 января начались пере-говоры между обеими странами. Великобритания была пред-ставлена заместителем Министра внешней торговли Уиллом, директором северного департамента Министерства иностран-ных дел Л. Коллером и его помощником, а также другими чи-новниками этого отдела (36, 5.183).

На первом заседании представители Латвии предложили, чтобы экономические отношения между двумя государствами и впредь базировались на торговом договоре 1923 г. Тем не менее, в ходе этой встречи делегации обеих стран смогли прийти к соглашению лишь о том, что внесут совместный

проект предложений по дальнейшему урегулированию экономических взаимоотношений (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 77),

Как сообщил Л. Экис на заседании комиссии экономических договоров в феврале 1933 г., в проекте британской делегации содержалось требование уменьшить таможенную пошлину на основные экспортируемые Великобританией товары: сельдь, хлопчатобумажные и шерстяные нитки, текстильные изделия, изделия из стали и железа (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 80). В британском предложении подчеркивалось, что принцип наибольшего благоприятствования в экономических отношениях обоих государств может сохраняться впредь только в случае, если помимо предоставления таможенных скидок будут изысканы другие средства (имеется в виду сокращение импорта латвии из Германии), обеспечивающие увеличение британского экспорта в Латвию (36, 5.184). Латвийский министр иностранных дел В. Салнайс, излагая позицию правительства, указывал 24 апреля 1933 г. в информации для посланников за границей, что "необходимо считаться с некоторыми требованиями Англии, ибо только таким путем, по-видимому, мы сумеем поддержать наш экспорт в Англию на прежнем уровне" (7). Буржуазная латвийская пресса невразумительно объясняла английскую политику диктата в ходе торговых переговоров "принципом компенсации во внешней торговле, которого Великобритания стала придерживаться после Оттавской конференции" (37, 17.02).

В ходе дальнейших переговоров британская делегация внесла конкретные требования. Так, например, в вопросе импорта английской сельди Латвия должна была вернуться к положению, существовавшему до января 1932 г. Это означало резкое увеличение ввоза сельди и снижение ее таможенного обложения на 50%. В вопросе импорта каменного угля и кокса из Англии было выдвинуто требование возврата к положению, существовавшему в 1924 г. (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, с. 85-86). Британская делегация потребовала также, чтобы в отношении пошлины на те товары, которые Великобритания поставляет в значительных количествах, был применен принцип паритета,

исключавший предоставление привилегий товарам других государств на латвийском рынке.

Англо-латвийские переговоры о заключении нового договора приближались к завершению летом 1933 г. В июне-июле этого года в Лондоне состоялась Всемирная экономическая и финансовая конференция, в которой приняла участие и буржуазная Латвия. Министр иностранных дел В.Салнайс выступил на конференции с предложениями отменить взаимные ограничения экспорта, понизить пошлину, вернуться к стабильной валюте (39). Выступление В.Салнаиса на конференции, бесспорно, не могло изменить британскую экономическую политику в пользу Латвии. В период работы конференции 6 июля 1933 г. было подписано временное торговое соглашение между Великобританией и Латвией (40). Буржуазная Латвия обязалась установить ввоз английской сельди на уровне не менее 75% объема 1931 г. Кроме того, Латвия соглашалась на 50%-ное снижение ввозной пошлины на сельдь и на отмену существующего закона о доплате за нее. Новое соглашение устанавливало, что Латвия будет ввозить из Англии не менее 10 тыс. т. сельди в год (34). Вскоре газета "Дунакас зиняс" подсчитала, что на закупку английской сельди придется затрачивать в год 2,7 млн. латов в валюте (37, 10.07).

В качестве важного "достижения" печать буржуазной Латвии восхваляла британское обязательство не регулировать ввоз из Латвии бекона, масла и яиц (41, 14.07). Здесь, однако, следует указать, что этот ввоз для Великобритании был столь невелик, что в таких ограничениях не было необходимости. Министр финансов Н.Аннус, оценивая англо-латвийское торговое соглашение, констатировал: "Если бы соглашение не было заключено, Англия отказалась бы от прежнего торгового договора и пришлось бы заключать новый, основанный на других принципах" (37, 10.07). Это заявление звучало как бессильное признание вынужденного согласия буржуазной Латвии с британскими предложениями. В условиях экономического кризиса при сохранении западной ориентации утрата английского рынка угрожала Латвии экономическим

крахом. Оценивая это временное торговое соглашение, британская печать писала, что Великобритания заключила выгодные договоры с Латвией и другими прибалтийскими странами (42).

Временное торговое соглашение представляло собой начало официальной ревизии англо-латвийских экономических договорных отношений, вызванное влиянием кризиса и связанное с полным отказом от принципов экономических взаимоотношений предшествующего периода развития и установлением новых принципов. Ему, как констатировал Иденум ЦИ ИИИ 1933 г., было не только экономическая направленность, но и "большое политическое значение" (43, 393). Это соглашение, тем не менее, до конца не разрешило сложных вопросов экономических договорных отношений Великобритании и Латвии. Поэтому в августе 1933 г. в печати появились сведения о том, что в октябре возобновятся переговоры между обоими государствами о заключении постоянного торгового договора (37, 25.08). Британскую позицию, пожелания и определение ситуации четко и без стеснения выразил консервативный парламентарий А.Боссом в газете "Таймс" в октябре того же года, после визита в прибалтийские страны. Он писал, что в Латвии "готовы покупать у нас все, что мы им предложим" (44), Буржуазная печать Латвии в эти дни уныло призывала "смириться с определенными убытками в связи с переориентацией на английский рынок, так как раньше Латвия больше брала у Англии, чем давала ей" (41, 19.09; 37, 12.11).

В ноябре 1933 г. британский посол И.М.Нетчбулл-Хьюджессен вручил Министру иностранных дел Латвии В.Салнайсу английский проект постоянного торгового договора (37, 2.11). В этом проекте содержалось требование предоставить Великобритании квоту на ввоз каменного угля и кокса, которая составила бы не менее 80% общего объема Латвийского импорта этого продукта. Еще большую тревогу в деловых кругах Латвии вызвало требование Великобритании о таможенных облегчениях на импорт шерстяных и хлопчатобумажных изде -

лий. Это требование угрожало текстильной промышленности Латвии (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 41). Газета "Нунакас зиняс" писала, что британское предложение содержит также требование о включении особой "английской клаузулы" в договор, что обеспечило бы Англии преимущества на латвийском рынке (37, 12, II). На практике это означало ликвидацию "балтийской клаузулы", так как экономически менее развитые Эстония, Литва и Финляндия не в состоянии были на равных конкурировать с Великобританией. Л. Экис в своей информации от 10 января 1934 г. о ходе торговых переговоров в Лондоне писал, что, извещая заинтересованные государства об отказе Латвии от "балтийской клаузулы", следует дипломатично указать, что "Англия просто вынудила нас изменить наше законодательство" (7, ф. 6824, оп. I, д. 273, л. 42).

Постоянный торговый договор между Великобританией и Латвией был подписан 17 июля 1934 г. (45). Это было тяжелое поражение торговой политики буржуазной Латвии, ибо в основе своей договор отбросил принципы англо-латвийского торгового соглашения 1923 г., хоть сколько-нибудь выгодные для самостоятельного развития Латвии. В договоре практически более не соблюдался принцип наибольшего благоприятствования. Секретным приложением к договору предусматривалось увеличение английского экспорта в Латвию: каменного угля - до 235 тыс. т. в год, что составило бы не менее 85% общего ввоза этого вида сырья; железа и стали - до 9 тыс. т.; сельди - до 10 тыс. т. в год. (7). Договор не предусматривал никакого увеличения латвийского экспорта в Англию. Буржуазная Латвия обязывалась скорректировать торговый баланс в пользу Англии. В отличие от предшествующих соглашений договор 1934 г. содержал специальный протокол со списком товаров, которым определялся размер пошлин в торговле между обоими государствами. Так, например, на ввозимое из Латвии масло Великобритания установила пошлину в размере 15% его стоимости, на изделия деревообрабатывающей промышленности и фанеру - 10% (46, 514-515). В изданной Британским королевским институтом международ-

ных отношений работе "Прибалтийские государства" без обвиняков констатировалось, что договор 1934 г. в качестве основного принципа содержал обязательства Латвии и других прибалтийских стран увеличить импорт каменного угля, железа и стали из Англии, а также снизить ввозную пошлину на британские текстильные изделия и сельдь (47,167).

В целом торговый договор от 18 июля 1934 г. юридически оформил ревизию экономических договорных отношений, существовавших между Великобританией и Латвией в период частичной временной стабилизации капитализма. Он базировался на ситуации экономического кризиса и неравноправии партнеров в империалистической системе. Договор поставил буржуазную Латвию в еще большую экономическую и политическую зависимость от Великобритании.

Основные направления эволюции экономических отношений Великобритании и буржуазной Латвии — протекционистские тенденции и ревизия договорных отношений — представляли собой двусторонний процесс в контактах между этими государствами. протекционистские тенденции, в одинаковой мере проявлявшиеся как в британской, так и в латвийской экономической политике, выявили бесспорное превосходство Англии и усиление зависимости Латвии. Ревизия договорных отношений со всей ясностью обнаружила неравноправный характер экономических отношений Великобритании с малыми странами в империалистической системе, в частности, с буржуазной Латвией. В целом такая экономическая стратегия британского империализма в годы кризиса также была направлена против германского преобладания в торговом балансе (особенно в импорте) буржуазной Латвии и других малых капиталистических государств Прибалтики. В конкурентной борьбе с Англией Германия была вынуждена уступить и в 1933 г. Великобритания уже стабильно занимала первое место в торговом обороте буржуазной Латвии.

Ссылки на литературу

1. Подсчитано по: *Latvijas statistiskā gada grāmata 1933, Rīga, 1934.*
2. Трухановский В.Г. Новейшая история Англии. М., 1958.
3. Куусинен О. Международное положение и задачи секций Коминтерна. — В кн.: XII пленум ИККИ, Стенографический отчет, М., 1933, т. I.

4. Jaunākās Ziņas, 1930.
5. Мировое хозяйство и мировая политика, 1930, № 5, 8-9.
6. Economists, 1930, Nr.22.
7. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР.
8. The Empire Economic Union. Preliminary general report of Research Committee. London, 1930.
9. Imperial Conference 1930. Summary of proceedings. London, 1930.
10. Statistical abstract for the United Kingdom for each of the fifteen years 1913 and 1924 to 1937. London, 1939.
11. Economists, 1932, Nr.7, 11, 18, 21.
12. Jaunākās Ziņas, 1932.
13. Muir R. The record of national government. London, 1936.
14. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М., 1933.
15. Grant A.T.K. A study of the capital market in post-war Britain. London, 1937.
16. Leits A. Burzuāziskās Latvijas ekonomika un saimnieciskie sakari. 1929-1939. Rīga, 1958.
17. The Chamber of Commerce Journal, 1932. November.
18. Newman E.W.T. Britain and the Baltic. London, 1930.
19. Latviā, 1932, 8, jūl.
20. История дипломатии. М., 1965, т.3.
21. Documente in British foreign policy. 1919.-1939. Second Series. Vol.7, London, 1958.
22. The Economist, 1932, Oct. 22.
23. Известия, 1932, 21 авг.
24. Fraser F. Great Britain and the gold standard. London, 1933.
25. Ja unākās Ziņas, 1931.
26. Pēdēja Brīdī, 1931, 22, sept.
27. Economists, 1931, Nr.20.
28. The Timber Trades Journal, 1931, Oct. 24.
29. Harvtrey G. The gold standard in the theory and practice, London, 1933.

30. Latvija. Š.Saeima, 3.sesija. Rīga. 1932.
31. Варславан А.Н. Английский капитал в буржуазной Латвии. 1920-1929 гг. Рига, 1972.
32. Tirdzniecības un kuģniecības līgums starp Latviju un Lielbritāniju. Rīga, 1923.
33. Muitas darbinieks, 1931, Nr.2.
34. Commercial agreement between Latvia and Great Britain. Riga, 1933.
35. The Times, 1932, Oct. 7.
36. Ekonomists, 1933, Nr.1,5, 21.
37. Jaunākās Ziņas, 1933.
38. The Economist, 1933, Febr. 27.
39. Journal of the Monetary and Economic Conference, 1933, Nr. 6, June 16 (London).
40. Valdības Vēstnesis, 1933, 14. jūl.
41. Brīva Zeme, 1933.
42. Nottingham Journal, 1933, Oct. 24.
43. Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferencu un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. 1. daļa. 1904, -1940. Rīga, 1958.
44. The Times, 1933, Oct. 17.
45. Commercial agreement between the government of Latvia and His Majesty's government in the United Kingdom, with Protocol. Riga, 1934.
46. Ekonomists, 1934, Nr.13/14.
47. The Baltic states. A survey of the political and Economic structure and the foreign relations of Estonia, Latvia and Lithuania. London, 1938.

БОРЬБА ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ДВОРЯН ЛАТВИИ ПРОТИВ БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (1920—1925 гг.)

После первой мировой войны европейская буржуазия вышла из революционного кризиса в основном с помощью "белого террора" и социально-политического маневра. Во многих странах этого региона одной из важнейших составных частей этого маневра стала аграрная реформа¹. К этим странам принадлежит и буржуазная Латвия. Буржуазная аграрная реформа должна была, с одной стороны, ослабить влияние революционных настроений на селе, с другой стороны, она должна была решительно изменить социально-экономическое и политическое соотношение сил между до сих пор господствующим остзейским дворянством и латышской буржуазией в пользу последней. Важнейшее значение в этой связи имело то обстоятельство, что в 1919 году Советская власть ликвидировала помещичье землевладение в Латвии.

Несмотря на то, что аграрная реформа Латвии исследована уже как советскими, так и буржуазными исследователями, до сих пор недостаточно изучен вопрос о борьбе "верхов" прибалтийского немечества в Латвии против этой реформы. Закон об аграрной реформе, принятый осенью 1920 года Учредительным собранием Латвии, определил, что в руках бывших крупных землевладельцев, а это в основном были остзейские дворяне, остается от 50—100 га земли². Остзейские политики, после принятия этого закона Учредительным собранием, продолжили борьбу против этой реформы, уделяя большое внимание вопросу о "полном" возмещении землевладельцам стоимости отчуждаемой земли.

Особое значение этого вопроса определило то обстоятельство, что полученные в порядке возмещения средства должны

были, по расчетам остзейцев, компенсировать те убытки, которые должны были образоваться в связи с отчуждением земли.

Обсуждение этого вопроса вызвало наиболее продолжительные и острейшие прения. Горьбой против реформы в этот период руководил Комитет прибалтийско-немецких партий во главе с депутатами П. Шиманом и бароном фон В. Фирксом. Главное внимание этот комитет сосредоточил на деятельности немецкой фракции в законодательных органах - Учредительном собрании и сейме.

Вопрос о возмещении стоимости отчужденной земли рассматривался в Учредительном собрании начиная с осени 1920 года, параллельно с обсуждением I, II и III частей уже до этого аграрной комиссией разработанного законопроекта об аграрной реформе. Но тогда он еще не являлся главным³. Вопрос был поставлен в принципе - безвозмездное отчуждение земли или компенсация стоимости земли. Немецкая фракция Учредительного собрания боролась против безвозмездного отчуждения земли, требуя "справедливое возмещение".

(Важнейшие латвийские партии в рассматриваемый период буржуазной Латвии: 1) правые партии - Крестьянский Союз, Союз христианских националистов, Геспартийный национальный центр; 2) левые партии - меньшевистская СДНП; 3) партии центра - Народная партия, Рабочая партия.)

Латвийские правые партии во главе с Крестьянским союзом тоже выступили за выплату "справедливого" возмещения, но, как потом выяснилось, расходились с немцами по вопросу об объеме компенсации. Значительная часть депутатов на Учредительном собрании (например, социал-демократы) отстаивали предложение аграрной комиссии, на которой большинством голосов было принято решение не платить компенсацию бывшим собственникам.

В данной ситуации остзейские политики старались использовать для достижения своей цели все возможные средства⁴. Они стремились, во-первых, добиться поддержки международного общественного мнения, во-вторых, апеллировали впоследствии к лиге наций. Но главным образом они все же старались

использовать внутривнутриполитическую ситуацию в Латвии, которая характеризовалась не только относительной нестабильностью самой буржуазной Латвии как государства, но также разногласиями и борьбой между латышскими партиями. В связи с этим депутаты немецкой фракции часто выступали в Учредительном собрании с призывами "защитить частную собственность" и "принцип государственности"⁵. По мнению руководителей прибалтийских немцев Латвии, именно безвозмездное отчуждение земли самым прямым образом потрясло бы институт "частной собственности" и "правовое сознание народа". А это, в свою очередь, привело бы вообще к ликвидации частной собственности⁶.

По расчетам немецких лидеров, такого рода призывам наде было, во-первых, **удержать** представителей латышских землевладельцев на Учредительном собрании от принятия "радикальных" решений по вопросу о возмещении, и, во-вторых, должно было еще больше **"настраивать"** одну латышскую партию против другой - в данном случае, правые партии, которые были за **возмещение, против социал-демократов, ратовавших за безвозмездное отчуждение.**

Большое внимание они уделили тому, чтобы укрепить "народное самосознание" местных немцев, надеясь еще больше сплотить живущих в Латвии немцев вокруг их руководящего центра, активизировать их участие в борьбе против аграрной реформы и таким образом повысить эффективность своей деятельности.⁷

Одним из главных лозунгов в борьбе против безвозмездного отчуждения земли стал призыв к "защите своих прав". Это была попытка сохранить как можно большую часть прежних привилегий остзейцев. В широком смысле слова это был призыв бороться за осуществление международно признанных прав национальных меньшинств Латвии.

Борьба за "свои права", использование тех факторов, которые могли содействовать достижению выдвинутой цели - такой была политика прибалтийских немцев Латвии в борьбе за "справедливое возмещение" в период с 1920-1925 гг.

Прибалтийские немцы очень надеялись на поддержку буржуазных партий Латвии, особенно на содействие Крестьянского

союза. П.Шиман (руководитель немецкой фракции) и В.Фиркс считали, что эта партия объективно может стать их союзницей⁸. Познакомившись с речами депутатов упомянутой партии, приходящие к подобному выводу, поскольку представители латышской буржуазии вовсе и не старались отстаивать первоначально аграрной комиссией выдвинутое предложение о безвозмездном отчуждении земли. Как указывал один из лидеров этой партии - депутат К.Паулук, "безвозмездное отчуждение" придает "социалистический привкус" аграрной реформе, а это уже "чрезмерность"⁹.

Обсуждая вопрос о возмещении, очень часто затрагивалась проблема международного положения буржуазной Латвии, ее признание *de jure*. Почти каждый защитник принципа выплаты возмещения, обосновывая свою точку зрения, старался использовать этот вопрос. В основном они высказывали одну и ту же мысль - в связи с непрочным международным положением буржуазной Латвии ее правительство не может проводить такие мероприятия, которые могли бы вызвать за границей негодование, а безвозмездное отчуждение земли могло лишь "скомпрометировать" Латвию в глазах ее "зарубежных друзей". Об этом, в частности, говорил в Учредительном собрании Министр иностранных дел Латвии, один из лидеров Крестьянского союза Э.Мейеровиц¹⁰.

Борьба по вопросу о возмещении стоимости отчужденной земли в Учредительном собрании в дальнейшем все больше обострялась. Противоречия и разногласия усиливались как между немецкой фракцией и фракциями латышских партий, так и среди депутатов различных латышских партий. Это позволило депутату группы беспартийных безземельных и малоземельных крестьян Гайлитису заявить, что "борьба за преимущества и права дворянства проходит между самими латышами"¹¹. Одним словом - П.Шиману и В.Фирксу удалось в большей или меньшей мере достичь того, что их фракции не пришлось выступать без "союзников" в борьбе за отстаивание принципа возмещения стоимости отчуждаемой земли. Их поддерживали правые партии буржуазной Латвии во главе с Крестьянским союзом.

Крестьянский союз, как правящую партию, несмотря на

взаимные противоречия, облизали с прибалтийским немецким дворянством и крупной буржуазией Латвии, во-первых, политические соображения. Крестьянский союз, как правящая партия, не имела в Латвии сильного влияния. Она постоянно должна была заботиться о поддержке своего курса местными влиятельными и состоятельными кругами. Прибалтийские немцы в этом смысле представляли собой серьезную силу.

Во-вторых, латышскую буржуазию пугала широко разрекламированная "радикальная" позиция социал-демократов в аграрном вопросе. Она просто боялась за судьбу своей собственности. Этот момент ярко выразился в речи депутата Национально-христианского союза Я.Пургала: "Не платить нельзя, так как это противоречит правовым взглядам нашего народа. Ни у кого нельзя отнять то, что он законно приобрел. В противном случае это будет уже конфискация земли. Тут не идет речь о защите дворянства, речь идет о защите прав крупных землевладельцев"¹².

В сентябре 1920 года было принято решение компенсировать стоимость отчужденной земли. Правые партии во главе с Крестьянским союзом сразу предложили эту стоимость вычислить в среднем по рыночным ценам земли 1920 года, однако депутаты остальных партий это предложение не поддержали. Было принято решение вопрос об объеме возмещения определить особым законом. Таким образом, этот, для прибалтийских немцев Латвии такой важный вопрос, в 1920 г. остался до конца не решенным.

Однако в "верхах" прибалтийского немецчества Латвии такой исход борьбы осенью 1920 г. оценили как большое достижение, поскольку одной из своих главных задач прибалтийско-немецкие верхи считали предотвращение или задержку принятия неблагоприятных для них законов, осуществляли таким образом особую "защитную деятельность" (*die abwehrende Tätigkeit*)¹³.

В конкретном случае фракция "удачно справилась" с этой задачей и задержала принятие прибалтийскому немецчеству нежелательного закона о безвозмездном отчуждении земли.

Заново этот вопрос на Учредительном собрании стали рассматривать только в 1922 году, таким образом у их руководи-

телей оказался в запасе некоторый период времени, в течение которого они разработали свою дальнейшую тактику борьбы. Цель этой борьбы осталась прежней - получить "справедливое возмещение". Но если осенью 1920 года под этим требованием главным образом протекала борьба за признание принципа о возмещении стоимости отчужденной земли, то после сентября 1920 года на передний план выдвинулась борьба за то, чтобы получить в качестве "справедливой компенсации" возможно большую оплату за отчужденную землю.

Немцы опять искали "союзников" в рядах латышской буржуазии. Но, очевидно, остзейские политические руководители поняли, что на этот раз на особое "содействие" нечего надеяться, в первую очередь, уже не-за того, что буржуазная Латвия находилась в тяжелом финансовом положении, поэтому правящие круги Латвии не были заинтересованы в выплате той большой компенсационной суммы, на которую рассчитывали немцы. Но существовал и второй вариант разрешения проблемы - компромисс с латышскими правыми партиями в вопросе объема выплачиваемой суммы. Эти партии все еще предлагали исчислить сумму компенсации по существующим в 1920 году ценам на землю.

После 1920 года вопросом о возмещении главным образом занимался В.Фиркс. Перед ним теперь встал вопрос: могут ли остзейцы идти на компромисс и примириться с "частичным", "мнимым" возмещением, предложенным латышской буржуазией, или же они должны защитить "немецкие права" и упорно бороться за полное ("справедливое") возмещение стоимости отчужденной земли. Часть помещиков во главе с В.Фирксом были противниками "мнимого" возмещения. Но полного единодушия в "верхах" прибалтийского немецчества не было, поскольку многие помещики хотели за свою отчужденную землю получить хоть что-то и поэтому не выступили против возможного компромисса с латышскими партиями¹⁴. В.Фиркс, защищая свою точку зрения, подчеркнул: "Если они (остзейцы) не выступают против частичного возмещения... то в таком случае все немецчество получит смертельный удар"¹⁵. Поэтому В.Фиркс призвал всю немецкую фракцию в Уч-

редительном собрании проголосовать против любого проекта, выдвинутого латышскими партиями. Этот призыв В.Фиркса наталкивает на мысль, что под частичным или "милым" возмещением немцы подразумевали любую, латышскими партиями предложенную, оплату, по-видимому, потому, что она по своему объему никогда не совпала бы со "справедливым", по понятию немецких "верхов", возмещением.

В период с осени 1920 года до весны 1922 года, когда в "верхах" прибалтийского немечества Латвии велась работа по определению тактики для дальнейшей борьбы за получение "справедливого возмещения", к единому мнению по этому вопросу им не удалось прийти. Одни считали, что надо идти на компромисс с латышскими партиями, а другие - что надо твердо отстаивать "свои права", причем подобные разногласия не утихли и после заседания 24 мая 1922 года, когда в Учредительном собрании на повестке дня стоял вопрос по разработке и принятию закона о возмещении.

На этом заседании правые партии во главе с Крестьянским союзом опять выступили со своим, еще в 1920 году высказанным, предложением. Депутаты остальных партий ничего конкретного не предлагали. Немецкая фракция выступила против проекта правых партий, заявив, что "полноценную компенсацию" за отчужденные земли прибалтийские немцы все же смогут получить только в том случае, если стоимость земли определит по ценам 1914 года¹⁶. Они соглашались также и на капитализацию земельной аренды¹⁷. Такого рода выступление барона Фиркса было встречено на Учредительном собрании с недоумением и не было поддержано ни одной из парламентских фракций. Такую компенсацию буржуазное государство вообще не было в состоянии выплатить. В.Фиркс особое недовольство высказал по поводу того, каким образом правые партии Латвии готовы выплатить возмещение бывшим собственникам. Речь шла о решении правительства выплатить компенсацию не наличными, а залоговыми ценными бумагами, что Фиркс назвал "живой насмешкой"¹⁸. В-связи с этим В.Фиркс не забил упомянуть о популярном принципе "всеобщего блага

государства". Демагогически взывая к "государственному сознанию" латышской буржуазии, Фиркс подчеркивал, что аграрные преобразования лишат помещиков возможности внести свою "лепту" в укрепление нового государства, так как у них не будет никакой возможности хозяйски и продуктивно работать"¹⁹.

Таким образом, опять видна тесная связь вопроса о возмещении с борьбой немецких помещиков и крупной буржуазии против буржуазной аграрной реформы в целом. Это подтверждает заявление В.Фиркса, что "вопрос о компенсации может стать камнем преткновения в проведении аграрной реформы"²⁰.

В.Фиркс и его единомышленники считали, что принятие частичной компенсации будет воспринято в Латвии и за рубежом как косвенное согласие дворян с аграрной реформой. Немецкие руководители считали, что Крестьянский союз этого компромисса хотел потому, что за границей создалось такое впечатление, что латышские правящие круги в вопросе о возмещении смогли "договориться с помещиками"²¹.

По существу, вопрос о возмещении стал для остзейцев "главным козырем" в борьбе против аграрной реформы. Это, конечно, не могло не повлиять на действия немецкой фракции. Так, уже на заседании Комитета прибалтийско-немецких партий Латвии, 15 мая 1922 года, В.Фиркс призвал всех укрепиться на позициях "защиты права". Этот призыв был также подтвержден на заседании Учредительного собрания сообщением того же Фиркса, что немецкая фракция не согласна с переходом к чтению закона по отдельным статьям. Таким образом, стало ясно, что фракция не поддержит ни одного выдвинутого предложения, в том числе и проект Крестьянского союза.

Несмотря на такую деятельность фракции, немецкие руководители, используя свои многолетние контакты с политическими руководителями правых партий, многое делали, чтобы буржуазные партии Латвии, а особенно Крестьянский союз, изменили свою точку зрения по поводу компенсации и присоединились к их принципу "справедливого возмещения".

Депутаты Крестьянского союза непрерывно консультировались с руководителями немецкой фракции о возможно лучшем

решении вопроса о возмещении для последних²², так что социал-демократы часто в Учредительном собрании высказывались, что фракция помещиков в кулуарах хочет разрешить вопрос о компенсации²³.

Но полностью эти надежды не оправдались. Несмотря на то, что правые партии во главе с Крестьянским союзом выступили за выплату возмещения, они не могли поддержать точку зрения немцев, во-первых, из-за того, что латышская буржуазия хотела максимально укрепить свои позиции в стране, а, выплатив названную В. Бирксом сумму, она в большей или меньшей мере финансировала бы своих противников. Во-вторых, финансовое положение Латвии не было блестящим. В-третьих, Крестьянский союз, как правящая партия, была вынуждена считаться с таким существенным и важным фактором, как существующие в широких народных массах антидворянские настроения.

В мае 1922 года прения в Учредительном собрании закончились тем, что большинством голосов было принято предложение правых партий разработать проект закона о возмещении, основываясь на рыночных ценах земли, существовавших на 2 октября 1920 года²⁴. Проект надо было разработать в аграрной комиссии. На рассмотрение комиссии латышские партии внесли четыре проекта. Во-первых, социал-демократы считали, что государство должно погасить все на отчужденной земле лежащие ипотечные долги. Другая компенсация помещикам не предусматривалась. Второе предложение внесли партии центра - стоимость земли должна компенсироваться по довоенным ценам. Третий вариант внес Крестьянский союз, который предусматривал выплату компенсаций в рублях Латвии по средней цене земли в период с 1918-1920 гг. Национально-христианский союз, в свою очередь, считал, что за основу надо брать цену земли 1920 года. Пятый вариант от имени всех живущих в Латвии национальных меньшинств внесла немецкая фракция, выступая за выплату возмещения золотом по тем ценам земли, которые существовали в 1905-1914 году²⁵.

Все эти проекты рассматривались в первом семле (1922-1925 гг.). Понимая, что латышские буржуазные партии

"добровольно" не согласается выплатить "справедливую компенсационную сумму", В.Фиркс на заседании 3 апреля 1924 года, когда было принято окончательное решение по вопросу о возмещении, впервые заговорил о возможных последствиях для буржуазной Латвии в том случае, если закон о возмещении окажется неблагоприятным для немецких дворян. После В.Фиркса П.Шиман заявил, что немецкая фракция сейма отказывается принять дальнейшее участие в голосовании за закон о возмещении²⁶. В данный момент в Сейме образовалась такая ситуация, что победу вполне могли одержать социал-демократы со своим вариантом проекта. Такой возможный исход дела взволновал правые партии. Проект Крестьянского союза мог потерпеть поражение, так как потеряли уже очень необходимые голоса немецкой фракции, на которые все время рассчитывала правая латышская буржуазия. Но немецкая фракция своей позиции не изменила и большинством голосов был принят вариант законопроекта социал-демократов²⁷. В печати прибалтийских немцев Латвии П.Шиман это событие прокомментировал следующим образом: "По существу это расправа латышского народа с одной частью немецкого народа"²⁸.

После такого исхода дела по вопросу о возмещении представители немецкого дворянства Латвии послали жалобу от имени всех местных национальных меньшинств в Лигу наций²⁹, хотя подписали ее только представители прибалтийских немцев Латвии - В.Фиркс и Ф.Фегесак³⁰.

В рамках рассматриваемого вопроса упомянутая жалоба интерес вызывает главным образом как тактическое средство борьбы немецкой фракции в связи с законом о возмещении. В более широком смысле она должна рассматриваться как одна из кульминационных точек всеобщей борьбы прибалтийско-немецкого руководства Латвии против аграрной реформы. Но, несмотря на то, что с этой жалобой были связаны довольно большие надежды, в конечном итоге эта кампания закончилась неудачно³¹. Компенсация за отчужденную землю законом не предусматривалась. Как позже указал Р.Витрам, вопрос о возмещении тем самым и был "похоронен"³².

Таким образом, вся борьба прибалтийских немцев Латвии за "справедливое возмещение" закончилась неудачно. По существу это был один из самых важных периодов борьбы против всей аграрной реформы.

Несмотря на то, что всю эту кампанию немцы старались прикрыть лозунгом "Борьба за свои права", фактически это была борьба за частичное сохранение своего привилегированного положения. Но этого осуществить не удалось.

Неудача этой борьбы была обусловлена, во-первых, тем, что помещики, судьба которых рвалась, являлись представителями феодального общества, и как таковые, свое время уже отжили. Во-вторых, руководители прибалтийских немцев Латвии на помощь из-за границы в данный момент времени не могли рассчитывать, поэтому многие делали, чтобы националистически использовать "содействие" латвиской буржуазии. Но латвисские правящие круги не могли полностью "выполнить" требования немцев, поскольку между этими силами были серьезные противоречия, а также надо было считаться с революционными настроениями народных масс.

Ссылки на литературу

- 1 Крупиников П. Антифеодальные мероприятия правительства буржуазной Латвии в начале 20-х годов. - В кн.: Проследы развития феодализма и капитализма в странах Балтии. Тарту, 1972, с.244.
- 2 Latvijas PSR vēsture. R., 1959. 3.sēj., 210.lpp.
- 3 Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas, I sesija, 20. sēde, R., 1920, 555. lpp.
- 4 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit in Lettland (1918-1934). Köln, 1951, Bd.1, S.29.
- 5 Latvijas Satversmes ..., I sesija, 23. sēde, 587.-588.lpp.
- 6 Turpat, 588. lpp.
- 7 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit ..., Bd. 1, S. 29.
- 8 Turpat, Köln, 1953. Bd.3, S.317-318.
- 9 Latvijas Satversmes ..., I sesija, 23. sēde, 604. lpp.
- 10 Turpat, I sesija, 24. sēde, 1624. lpp.
- 11 Turpat, I sesija, 26. sēde, 633. lpp.
- 12 Turpat, 715. lpp.
- 13 Garleff M. Deutschbaltische Politik zwischen den Weltkriegen. Bonn-Bad Godesberg, 1976, S.6.

- 14 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit ..., Bd. 3, S. 334-337
- 15 Turpat, S. 338.
- 16 Latvijas Satversmes ..., V. sesija, 44. sēde. R., 1922, 1563. lpp.
- 17 Turpat, 1373. lpp.
- 18 Turpat.
- 19 Turpat, 1573. lpp.
- 20 Turpat, 1574. lpp.
- 21 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit ..., Bd. 3, S. 336.
- 22 Garleff M. Deutschbaltische Politik ..., S. 8.
- 23 Latvijas Satversmes ..., V sesija, 64. sēde, 2270. lpp.
- 24 Turpat, 46. sēde, 1652. lpp.
- 25 Latvijas 1. Saeimas stenogrammas, IV sesija, 19. sēde. R., 1924, 652. lpp.
- 26 Latvijas 1. Saeimas ..., 21. sēde, 714. lpp.
- 27 Turpat, 763. - 767. lpp.
- 28 Rigasche Rundschau, 1924, 4. April.
- 29 Jahrbuch und Kalender des Deutschtums in Lettland. R., 1926, S. 22.
- 30 Materiāli Latvijas agrārās reformas vēsturei. R., 1929, 5. lpp.
- 31 Jahrbuch des Deutschtums in Lettland. R., 1927, S. 26.
- 32 Wittram R. Livland. Schicksal und Erbe der baltischen Deutschen. Berlin, 1943, S. 79.

ПРЕДАННОСТЬ КОМПАРТИИ ЛАТВИИ ПО ПРЕТВОРЕНИЮ В ЖИЗНЬ
РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ РАБОЧЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ (17-20 марта 1923 г.) В СВЯЗИ
С ОККУПАЦИЕЙ РУРА

Со второй половины 1922 года в Германии назревал политический кризис, наиболее очевидным внешним проявлением которого была борьба, связанная с выплатой репарационных платежей. Влиятельной группировке монополистической буржуазии, настаивавшей на отказе от любых платежей, удалось добиться в ноябре 1922 года отставки правительства Гирта, хотя иногда и саботировавшего репарационные платежи и поставки, но в конечном итоге придерживавшегося "политики выполнения". 13 ноября 1922 года В. Куно оформил новое правительство, взявшее открытый курс на отказ от выплат и поставок. Курс саботажа репарационных поставок прямо провоцировал французских империалистов на оккупацию Рура. Уже в конце 1922 года репарационная комиссия установила, что Германия "умышленно не выполняет поставки угля и леса" и потребовала оккупации Рурского бассейна¹. 11 января 1923 года франко-бельгийские войска вступили в Рурскую область. Объявляя о том, что оккупация Рурской и Рейнской областей является всего лишь "полицейской операцией" с целью "заставить Германию платить", правительство Пуанкаре на самом деле вынашивало далеко идущие планы. Длительная оккупация Рура рассматривалась как предпосылка для установления французского контроля над экономикой Германии, закрепления гегемонии Франции в Европе.

Единственным правительством, выступившим против оккупации Рура, в защиту национальных прав и интересов немецкого народа, было Советское правительство. 13 января 1923 года

в обращении ВЦИК к народам всего мира в связи с оккупацией Рурской области говорилось: "В эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова поднимает голос негодующего протеста против безушной политики империалистической Франции и ее союзниц. Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролития"².

Трудящиеся Советского Союза не ограничились протестом. 20 января 1923 г. Президиум ВЦИК принял решение оказать материальную помощь рурским рабочим в размере 100 тыс. руб. золо- том. Одновременно в СССР состоялись массовые митинги и демонстрации солидарности с немецкими трудящимися. Прогнанные в Германию 800 вагонов с советским хлебом оказались тогда единственными присланными из-за границы крупным даром³.

Коммунистические партии Европы стали организаторами движения протеста с обострившейся в связи с оккупацией Рура угрозой войны. Уже на состоявшейся в Эссене 6-7 января 1923 г. конференции представителей компартий Англии, Гельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Франции и Чехословакии, революционных профсоюзов Германии и Франции, при участии делегаций Профинтерна и КИМа был четко поставлен вопрос о практических действиях рабочего класса против наступления капитала и опасности войны, связанной с предстоящей оккупацией Францией Рура. Участники конференции заявили о готовности к совместным действиям со всеми пролетарскими организациями против нового наступления буржуазии и угрозы мировой войны⁴. Совет фабрично-заводских комитетов Рейско-Вестфальской области предложил всем рабочим партиям, профсоюзам, производственным советам и Интернационалам создать международную конференцию для организации борьбы против оккупации Рура, фашистской реакции и опасности новой войны. На конференцию, состоявшуюся 17-20 марта во Франкфурте-на-Майне, прислали своих представителей Коминтерн, КИМ, Профинтерн, компартии и революционные профсоюзы европейских стран, а также Независимая социал-демократическая партия Гер-

мании, ряд местных социал-демократических организаций и заб-завкомов Германии. Конференция избрала Международный комитет действия против военной опасности и фашизма под руководством Клары Цеткин и Анри Барбюса. Участники конференции приняли решение о проведении во всех странах международной недели под лозунгами борьбы против опасности новой войны и фашизма.

Компартия Латвии активно включилась в международную кампанию солидарности с немецким народом, борьбы против войны и фашизма. XII партийная конференция КПЛ в июне 1923 года постановила: "... по вопросам международной борьбы присоединиться к решениям Франкфуртской конференции"⁵, выделяя несколько направлений, по которым должна вестись работа. Первочередное внимание XII партийная конференция уделила той части решений, принятых во Франкфурте, в которой говорилось о задачах борьбы против оккупации Рура.

Естественно, работа нелегальной Компартии Латвии по данному направлению не могла носить столь непосредственно практический характер, как это имело место в Германии, Бельгии, Франции. КПЛ, в первую очередь, проделала серьезную работу по анализу причин, породивших Рурский кризис, подвергла резкой критике политику империалистических кругов Франции, Бельгии, как и Германии, которые своей политикой ставили мир на грань новой катастрофы.

П. Стучка в статье "Августовские дни (1923 г.) в Германии" совершенно обоснованно указал на крупный германский монополистический капитал, особенно в лице "короля" тяжелой индустрии Рура Гуго Стиннеса, как на истинного вдохновителя авантюристской политики В. Куно⁶, самым теснейшим образом связанного с финансово-промышленными кругами Германии. Вместе с тем П. Стучка был далек от односторонней оценки причин, породивших Рурский кризис. Он рассматривал Рурский кризис как ярчайшее свидетельство порочности Версальской системы в целом. В этой связи следует напомнить, что П. Стучка уже в 1920 году в рукописи "Революция о текущем моменте" указывал на непосильное бремя, возложенное на Германию Антантой, на отсутствие реаль-

ных возможностей фактического выполнения немецкой стороной платежей и поставок⁷. В 1923 году непосредственно в дни Рурского кризиса, в одной из статей, помещенных в журнале "Циняс Биедрс", содержалось продолжение этой мысли. Рурский кризис П. Стучка рассматривал как прямое продолжение франко-немецкой войны, как уродливое детище империалистического мира, увенчавшего империалистическую войну, как логичный, неизбежный шаг Франции в отчаянной попытке добиться выполнения Германией взваленных на нее обязательств⁸. Резкое осуждение опаснейшей политики самых махровых милитаристов и реакционеров Франции содержалось и в ряде воззваний ЦК КПИ⁹.

Руководствуясь принципом пролетарского интернационализма, КПИ решительно выступила в защиту прав немецкого народа. В воззваниях ЦК КПИ к солдатам и новобранцам¹⁰ партия указывала на реальную угрозу усиления кризиса: союзница Франции Польша вынашивала свои аннексионистские по отношению к Германии планы. Выступая против авантюристических замыслов польской военщины, КПИ одновременно проводила этим линию защиты СССР, ибо, как писалось в "Известиях" 24 января 1923 г., "возникновение военного пожара на польско-германской границе заденет самые насущные международные интересы Советской России, а в таком случае... Россия будет спровоцирована на реакцию против этого посягательства на ее интересы". Выступая за право немецкого народа самому решать свои внутренние дела, Советское правительство предприняло меры для обеспечения невмешательства третьих стран в эти дела. С этой целью член коллегии НКВД В. Копп, по поручению Советского правительства, посетил Ригу, Ковно, Варшаву. Он предложил польскому правительству подписать в СССР "соглашение о невмешательстве в германские дела и об обеспечении транзита в третьи государства при всяких политических условиях"¹¹.

В обращении Франкфуртской конференции к рабочим всех стран ставилась задача усиления революционной пропаганды среди войск, введенных в заблуждение империализмом и используемых им в неблагоприятных целях¹². Естественно, здесь име-

лись в виду, в первую очередь, франко-бельгийские войска, но рост угрозы войны ставил антиимпериалистическую борьбу в первые ряды и в других странах, в том числе и в Латвии.

Горьба против угрозы войны, за реальное разоружение находилась в центре внимания партии уже до Рурских событий. Особое внимание этому направлению деятельности уделялось еще в связи с Московской конференцией по сокращению вооружений в декабре 1922 года.

Расширение антивоенной кампании партии в связи с оккупацией Рура прямо продолжало работу, начатую в этом направлении в предыдущие годы.

Только в первые месяцы после оккупации Рура ЦК КПИ и ЦК Комсомола Латвии, в условиях подполья, непрерывающегося белого террора, выпустили пять воззваний (общим тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров), обращенных непосредственно к солдатам, новобранцам, молодежи, в которых разъяснялись причины, вызвавшие Рурский кризис, и в которых был призыв к бдительности в связи с ростом угрозы новой войны. В марте 1923 года на латышском языке было распространено воззвание Исполкома Коммунистического интернационала молодежи против войны, Версальских договоров, гонки вооружения¹³. Призывы партии защищать мир, поддерживать миролюбивую политику СССР, резкое осуждение авантюристического курса милитаристских кругов Запада содержались и во многих других воззваниях ЦК партии, местных организаций, выпущенных в это время и обращенных к трудовому народу страны, к демократической общественности. Через листовки, воззвания оценка коммунистами международного положения становилась достоянием широких масс. В будущем это позволило коммунистам завоевать доверие самых широких слоев населения страны.

Франкфуртская конференция призывала международный пролетариат, его партии к разоблачению порочности Версальских договоров, несущих в себе угрозу миру.

В уже упомянутом воззвании ЦК КПИ (март 1923 г.) говорилось: "Долой Версальский, Сен-Жерменский и другие мирные до-

говору, которые несут миллионам рабочих несчастья и рабство! Долой мирные договоры, выступающие причинами новых войн"¹⁴. Резкая критика Версальской системы международных отношений содержалась и в упомянутых нами воззваниях ЦК КИМ и комсомола.

XIII партийная конференция уделила пристальное внимание необходимости выполнения такого важного пункта постановлений Франкфуртской конференции, как организация борьбы против фашизма, особенно выделяя задачу разоблачения классовой сути и целей фашистского движения. Франкфуртская и XIII партийная конференции, определяя направление деятельности по данному вопросу, опирались на решение IV конгресса Коминтерна (5 ноября - 5 декабря 1922 г.), глубоко разработавшего проблему пролетарской классовой альтернативы фашизму.

Разоблачение классовой сущности фашизма имело первостепенное значение для разработки действенной программы борьбы с этим новым орудием империалистической буржуазии; истинное содержание которого в данное время как для коммунистов Латвии, так и для коммунистов всех стран было далеко не ясным.

Компартия Латвии внесла весомую лепту в выполнение данной задачи. В первую очередь, укажем, что для всего коммунистического движения большое значение обрели ценнейшие мысли П. Стучки об угрозе фашизма, необходимости разработки новой стратегии коммунистов, высказанные им в ряде работ, в которых подвергается анализу политическая ситуация в Германии в дни оккупации Руром.

Уже в конце 1922 года, вскоре после триумфа в Италии к власти фашистов и образования первых фашистских организаций в Латвии, Стучка в своих "Письмах о тактике" предвосхитил постановку вопроса о реально возможной необходимости вести борьбу за буржуазную демократию против фашизма.¹⁵

В пучине националистических страстей вокруг франко-бельгийского вторжения германские фашисты почувствовали себя в своей стихии. На гребне растущего недовольства самыми широкими слоями общественности Германии поднималось фашистское дви-

жение, спекулировавшее на действительно полной драматизма ситуации в стране. В уже упомянутой статье "Августовские дни в Германии" П. Стучка делает короткое, но весьма емкое по содержанию замечание о том, что фашизм ощущается в Германии народными массами как меньшая опасность, чем голод¹⁶.

Действительно, в течение 1923 года, по ходу эскалации общего хозяйственного кризиса, трудящиеся Германии оказались на пороге катастрофы. Советский историк М. И. Орлова пишет: "Голод, страшный голод преследовал днем и ночью рабочего человека, гнал его на улицу, принуждал грабить магазины и особняки богатей, собирать гнилой картофель в поле. Горька за существование поглощала человека целиком"¹⁷.

В таких условиях брал верх пессимизм, настроение безнадежности и обреченности или порыв к сиюминутному бунту, который оказывался столь эфемерным, что вскоре обращался в рабство, что особо было характерно для мелкой буржуазии. Естественным примером отражения психологии мелкобуржуазных масс, предпочитавших хаосу тоталитарный режим, который нес в себе фашизм, быстро переходящих от состояния предполагаемого бунта к покорности, является фильм Карла Грюне "Улица", вышедший в 1923 г.

В таких условиях, и это имел в виду П. Стучка, реально вырастала угроза увлечения фашизмом. Социально-политической миссией фашистов являлось отстаивание новыми методами интересов монополистической буржуазии — широких слоев народа, доведенных до отчаяния нуждой. Хорошо ведь известно, что в чрезвычайных условиях в общественном сознании масс, а именно — в структуре классового сознания возможно преобладание общественно-психологической стороны над идеологической, "тонущей" в бурном потоке чувств и настроений. Заметим, что в обывательском сознании масс идеологический уровень отражения действительности всегда представлен слабо.

Нацисты же хорошо знали и понимали мелкотрастную психологию, умело играли на противоречивых надеждах, чувствах мелкой буржуазии, lumpen-пролетариата, как и политически, идеологически

нестойких рабочих. Фашисты, в первую очередь, апеллировали к инстинкту, а не к разуму и логике, давали приоритет насилию перед критическим мышлением. В условиях 1923 г., когда, как казалось, "распалась связь времен", трагедия реальности привела к невиданному росту психологической неустойчивости, культ инстинкта открывал возможности для вовлечения левых масс в фашистское движение. В условиях, когда политическое рообращение в массовой среде брало верх над трезвой оценкой реалий, фантастические обещания нацистов звучали вполне достоверными.

Подробно анализируя складывающуюся в Германии политическую обстановку, П. Стучка в статье "Похоронный звон "левой" или независимой с.-д. всего мира" (июнь 1923 г.)¹⁸, а наиболее четко - в конце 1923 года на страницах журнала "Циняс Гиедрс" за 12 лет до VII конгресса Коминтерна в полный голос поставил вопрос о необходимости выработки новой стратегии коммунистического движения в новых исторических условиях. "Настоящая ситуация крайне сложна..., - писал он. - Нет реакции и даже против этой "демократической" или "парламентарной" реакции поднимается фашизм... Для нелегальной партии - коммунистов, - проптически указывал П. Стучка, - возможно предстоит необходимость вести борьбу за буржуазную демократию против фашизма"¹⁹.

Несмотря на утверждение Коминтерном тактики единого фронта в качестве главного метода сплочения масс на odpor нарастающему наступлению капитала, разработку новых лозунгов, далеко не все коммунисты осознали их подлинный исторический смысл (свидетельство тому - острейшие прения по проблемам тактики единого рабочего фронта на IV конгрессе Коминтерна). Последовательные выступления П. Стучки в защиту новых политических ориентиров имели крайне актуальное и принципиальное значение. Определение П. Стучкой нового стратегического лозунга коммунистов явилось творческим развитием декабрьских (1921 г.) решений ИККИ о тактике единого фронта, далее развернутых на IV конгрессе.

Пророческие предсказания П. Стучки в это время не стали еще общепризнанным достоянием теоретического курса всей Компартии Латвии, не перешли в практическую плоскость.

П. Стучка верно указывал, что фашизм является плодом зловещих поисков наиболее реакционных империалистических элементов социальной стабильности внутри политического положения.

В уже упомянутой статье "Похоронный звон "левой" или независимой с.-д. всего мира" он указывал на особую значимость внешних факторов в Латвии: политическая и экономическая маргинальность, классово ограниченная политика правящих кругов страны, упрямо проводивших одностороннюю ориентацию на Запад, значительно умножало влияние международной реакции на внутривнутриполитические процессы в Латвии. Недалекое будущее полностью подтвердило верность положений, высказанных П. Стучкой. Победа фашизма в Германии значительно ускорила процесс фашизации Крестьянского союза - политической силы крупной латышской буржуазии, выступлений за упразднение буржуазной демократии (ранее этот процесс взбадривался примером соседей - уже с 1926 г. примером фашистской Польши, Литвы).

Глубокий теоретический анализ Рурского кризиса, особенно ряда вопросов, связанных с ростом угрозы фашизма, проделанный П. Стучкой, вносил ценнейший вклад в выполнение решений как Франкфуртской, так и XXII партийной конференции КПЛ, которая, как мы уже писали, обязывала коммунистов к серьезной работе, оценке явлений фашизма. Труды П. Стучки 1923 года - это передовой рубеж теоретической мысли международного коммунистического движения по вопросам стратегии антифашистской борьбы.

Франкфуртская конференция призвала коммунистов Европы к созданию единого рабочего фронта в целях борьбы против угроз войны и фашизма. В КПЛ в то время проблема единого фронта в целях проведения совместной с социал-демократами международной политики, и конкретно - по вопросам борьбы за мир, практически поднята не была, хотя и после Рурских событий предпринима-

лись некоторые попытки приблизиться к ней.

Когда уже с начала 20-х годов задачи совместной борьбы политическими разобщенными отрядами трудящихся требовали отстояния не только их внутренних классовых интересов, но и единства в реализации внешнеполитического курса, степень зрелости объективных и субъективных основ единого фронта была недостаточна. Это, в конечном итоге, и обусловило то, что выполнение решений Франкфуртской конференции в данной области практически задержалось на целое десятилетие, когда в середине 30-х годов, после горьких уроков, связанных с победой фашизма в большинстве европейских стран, идея единого фронта обрела свою практическую плоть. Тем не менее, уже в начале 20-х годов П. Стучка внес существенный вклад в теоретический арсенал Интернационала по вопросу о едином фронте. Уже в январе 1922 года им был разработан один из первых в своем роде проектов единого фронта, охватывающий и международную политику пролетариата.

В статье "Единый фронт пролетариата" он предусматривает: "Политика в области войны и мира: а) выступление против любой авантюры; б) не увеличение армии, а демобилизация; в) узаконивание свободы организации еще недемократизованных солдат в профсоюзы (как в Австрии)". В отношении Советской России П. Стучка намечал выступление за проведение буржуазной Латвией последовательной и миролюбивой политики, заключение хозяйственного соглашения с Советской страной²⁰.

Разработанный П. Стучкой проект единого фронта, охватывающий и международную политику пролетариата, являлся творческим развитием и конкретизацией применительно к Латвии решений ИККИ (декабрь 1921 г.) по вопросам новой тактической линии.

Ссылки на литературу

- I Кульбаккин В.Д. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, с.181.
- 2 Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Документы и материалы. М., 1977, т.1, с.103.
- 3 Кузько В.А., Львунин Ю.А. Помощь трудящимся СССР рабочим Германии в 1923-1924 гг. - Вопросы истории, 1973, № 12, с.200.
- 4 Антивоенные традиции международного рабочего движения. М., 1972, с.257.
- 5 LKP kongresu, konferenču un SK plēnīmu rezolūcijas un lēmumi. Rīga, 1958, I d.(1904.-1940.), 205.lpp.
- 6 СГД, 1923, №. 46 (466).
- 7 ЦАИИП, ф.55, оп.6, д.3, л.1.
- 8 СГДас Вiedrs, 1923, №. 21.
- 9 LKP, LKJS un Sarkanās Palīdzības revolucionārās lapiņas. Rīga, 1959, I d.(1920.-1940.), 274., 278.lpp.
- 10 Там же, с.274.
- 11 Косляков И.К. В.И.Ленин и советско-германские отношения в 1917-1923 гг. Ежегодник Германской истории. М., 1973, с.184.
- 12 Советско-германские отношения... т.1, с.138.
- 13 Революционārās lapiņas, I d., с. 278.
- 14 Там же, с.277.
- 15 СГД, 1922. дес.; 16. СГД, 1923, №. 46 (466)
- 16 Орлова М.И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973, с.104.
- 17 СГД, 1923, №. 44 (464)
- 18 СГДас Вiedrs, 1923, №. 21, с. 11.
- 19 ЦАИИП при ЦК КПС, ф.55, оп.6, д.29, л.4.

Ю. Галютите

УЧАСТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ В БОРЬБЕ
ЛИТОВСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ
(1918-1919 гг.)

Под непосредственным воздействием Октябрьской революции назревала в 1918 году социалистическая революция в Литве и нарастало революционное движение в Восточной армии Германии. Революционно настроенные немецкие солдаты, находившиеся в дислоцированных на территории Литвы частях и столкнувшись с борьбой трудящихся Литвы за Советскую власть, проявили в какой-то мере солидарность с ней. Коммунисты Литвы установили связи со спартаковцами, развернули работу среди немецких солдат с целью склонить их на сторону борьбы литовских трудящихся.

Отдельные факты участия революционно настроенных немецких солдат в социалистической революции в Литве нашли отражение в трудах видных деятелей КП Литвы: В. Капсукаса и З. Ангаретиса¹, в историографии послевоенных лет - работах Г. Вайткявичюса, К. Кургиниса, Ю. Еюгды² и других ученых. Тем не менее исследование упоминаемой проблемы в целом могло бы способствовать более глубокому раскрытию международной классовой солидарности пролетариата и - конкретно - первых связей КП Литвы с немецкими коммунистами.

Идеи Советской власти, подъем революции в Германии и коммунистическая агитация оказали большое влияние на морально-политическое состояние немецких войск, дислоцированных в конце 1918 года в Литве. В германских войсках еще до Ноябрьской революции начали создаваться солдатские Советы. Несмотря на то, что в частях, стоявших в Литве, не было единого руководящего революционного центра, активно действовавшие спартаковцы и члены левого крыла Независимой социал-демократической партии Германии, узнав о революции на родине, создали солдатские Советы. Хотя в их руководство стремились про-

браться противники революции, часть спартаковцев и независимцев пользовались немалым влиянием и оказали конкретную помощь местным трудящимся. Вместе с тем солдатские Советы оказывали революционизирующее влияние на всю армию, срывали в определенной степени контрреволюционную деятельность милитаристских сил Германии.

Сложившаяся в Литве революционная ситуация в декабре 1918 года переросла в социалистическую революцию. 16 декабря 1918 г. Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы, возглавляемое В.Калсукасом, выпустило Манифест об объявлении Советской власти в Литве. Некоторые немецкие солдаты 15 декабря 1918 года приняли участие в открытии заседания Вильнюсского Совета рабочих депутатов. Железнодорожник Рутцерт и председатель солдатского Совета 10-й армии Верле выступили с приветственными речами. Представители солдатского Совета отметили, что "большинство в армии сочувствует чаяниям местных рабочих"³.

16 декабря вильнюсские рабочие всеобщей демонстрацией, в которой участвовали и революционно настроенные немецкие солдаты, приветствовали провозглашение Советской власти. Рабочие в знак солидарности с революционным пролетариатом Германии и других стран несли наряду с другими и такие плакаты, как "Да здравствует Германская революция рабочих и солдат" и "Да здравствует Интернационал"⁴. Демонстрантов приветствовал представитель 10-й армии Хейзе: "Если мы и говорим на разных языках, наши сердца все равно бьются в унисон. Одна мать родила нас: мы дети труда и нищеты!"⁵. Затем он сказал, что немецкие солдаты пришли в Литву не по своей воле, а как слуги властей. Теперь же они полны решимости вернуться обратно в Германию, братски простившись перед этим. Выступление Хейзе, как и второго немецкого солдата Мюлле, было доброжелательно встречено солдатами и вильнюсскими трудящимися. Рабочие Вильнюса, в свою очередь, подчеркнули, что они питают дружественные чувства по отношению к революционно настроенным немецким солдатам⁶.

Совет 10-й армии обратился к населению Вильнюса с заверением, что он "не будет вмешиваться в политические отношения края", а направит усилия на скорейшую эвакуацию солдат в Германию⁷. Однако Совет не выполнил эти обещания. Э. Ангеретис писал, что руководители солдатского Совета 10-й армии приветствовали Совет рабочих депутатов лишь из-за страха перед революционно настроенными солдатами своей армии, которые сочувствовали вильнюсскому пролетариату⁸.

Создание органов Советской власти в Паневежисе и демонстрацию трудящихся 19 декабря приветствовали и немецкие солдаты Паневежского гарнизона. Они присоединились к демонстрантам, сорвали с себя погоньи и прикололи красные банты⁹.

Большая делегация революционно настроенных немецких солдат участвовала в открытии Каунасского Совета рабочих депутатов 21 декабря 1918 г. В тот же день был торжественно утвержден договор от 18 декабря, заключенный между Каунасским и солдатским Советами. В нем Совет рабочих депутатов признавался единственной властью в городе. "Шло братание литовских рабочих и немцев. Они вместе пели Интернационал", - писал В. Капсукас о событиях 21 декабря¹⁰.

Открытие заседания Каунасского Совета рабочих депутатов от имени Центрального солдатского Совета Восточного фронта приветствовал его председатель Груно Аш., от Гольшого Каунасского солдатского Совета говорил Фрейдеманнер¹¹. В речи Г. Аша, которая была опубликована в органе Каунасского комитета партии и Совета рабочих депутатов "Пролетарская правда", отмечалось, что революционно настроенные немецкие солдаты солидарны с трудящимися всех стран и Каунасским Советом рабочих депутатов¹².

О влиянии революционно настроенных солдат на Центральный солдатский Совет Восточного фронта свидетельствует и то, что Совет несколько раз освобождал каунасских рабочих, арестованных органами оккупационных властей за революционную деятельность¹⁴.

Э. Ангеретис, говоря об отношениях Каунасского Совета рабочих депутатов и Центрального солдатского Совета Вос -

точного фронта, утверждал, что каунасским рабочим не следовало вести переговоры с упомянутым солдатским Советом, который придерживался двуличной политики¹⁵. Между тем впервые установленная Советская власть, которой пришлось бороться с внутренними контрреволюционными силами и внешней интервенцией, стремилась использовать для упрочения своего положения любые возможности, в том числе и переговоры. С другой стороны, в самих солдатских Советах происходила острая борьба между революционно настроенными солдатами, которые одобряли установление Советской власти в Литве и поддерживали ее, с одной стороны, и, с другой, — буржуазными элементами, которые стремились продвинуть в солдатские Советы и их руководство армейские власти, с тем, чтобы направить деятельность Советов в нужном им направлении. Из того, какая сторона брала верх в решении того или иного вопроса, и возникала двуличная политика солдатских Советов.

Влияние спартаковцев ощущалось и в Алитусском солдатском Совете. Немецкие офицеры жаловались, что солдатские Советы приносят особый вред, когда они "начинают устанавливать связи с большевиками, особенно в алитусской прифронтовой полосе"¹⁶. Солдатский Совет в Кайшядорисе тоже стоял на стороне литовских трудящихся и выражал готовность оказать им поддержку¹⁷. Паневежский солдатский Совет сотрудничал с местными коммунистами, стремился удовлетворить их требования. С его помощью коммунисты получали разрешение на созыв митингов, чтение лекций, выпуск воззваний. Совет даже давал солдат для охраны митингов и собраний¹⁸. Председатель Вилкавишского солдатского Совета Кернер одобрял создание Советской власти в Литве¹⁹.

Идеи международной пролетарской солидарности преобладали на I съезде Советов Литвы (18-20 февраля 1919 г.), который наряду с другими приветствовали и представители революционно настроенных немецких солдат²⁰.

Выражения солидарности сопровождались конкретными действиями. Прежде всего следует отметить то, что революционно настроенные немецкие солдаты оказали помощь трудя-

щился Литвы оружием. Главное военное командование Восточного фронта отдало приказ - солдаты, продавшие, либо отдавшие оружие или амуницию местному населению, будут рассматриваться как предатели и привлекаться к строжайшей ответственности²¹. Однако в военной печати того времени встречаются многочисленные сообщения о продаже или передаче оружия трудящимся Каунаса, Вильнюса, Вилкавишкиса и других мест Литвы²². Об этом сообщали также и представители литовской буржуазии²³.

Много оружия от революционно настроенных немецких солдат получили и каунасские рабочие.

В начале 1919 года в Каунасе действовал нелегальный комитет местных и немецких коммунистов. Один из его членов - немецкий солдат Адольф Шель из Оберштейна скупал оружие и обеспечивал им местных революционеров. А. Шель также агитировал немецких солдат вступать в Красную Армию. Когда военная полиция выследила его, он 18 февраля 1919 г. под Масляй перешел в Красную Армию²⁴.

Под влиянием коммунистов революционно настроенные немецкие солдаты отдавали свое оружие литовским рабочим²⁵. Рокишские коммунисты также без особого труда получили оружие от революционно настроенных немецких солдат, которые сочувствовали Советской власти. У них удалось приобрести около полутораста винтовок и немало патронов²⁶. Оружие местному населению передали немецкие солдаты в Вевице и Седе²⁷.

Часть революционно настроенных немецких солдат включились в борьбу трудящихся Литвы. 1 января 1919 г. польские контрреволюционеры подняли антисоветский мятеж, напав на Рабочий клуб, где в то время находились многие члены Совета. В рядах защитников Совета были и спартаковцы, выразившие желание сражаться вместе с трудящимися Литвы против контрреволюционеров²⁸. Во время боя одна из воинских частей, в которой были спартаковцы, передала вильнюсским рабочим грузовик, несколько десятков винтовок и пулеметов²⁹.

Несколько спартаковцев участвовали в защите Вильнюса от нападения польских легионеров 19-21 апреля 1919 г.³⁰ Сотни революционно настроенных немецких солдат под руководством спартаковцев в конце марта 1919 г. несколько раз пробовали освободить из каунасской тюрьмы политических заключенных. Однако немецкие жандармы и части литовской буржуазной армии арестовали и бросили за решетку около 300 революционно настроенных немецких солдат³¹. Среди арестованных были и офицеры³². И. Райткявичус, который исследовал участие революционно настроенных немецких солдат в социалистической революции в Литве, указывает, что в июне 1919 г. в Шяуляй прибыли из Гамбурга 60 спартаковцев с тремя бронекарами. Они вместе с дислоцированными там солдатами освободили из тюрьмы политических заключенных³³.

Революционно настроенные немецкие солдаты оказывали помощь советским органам, трудящимся Литвы и в других формах. Командование литовской буржуазной армии выражало недовольство, что поддержанию порядка во многом мешала и вредила деятельность немецких солдат, особенно спартаковцев³⁴. Подозрительные действия спартаковцев тормозили организацию контрреволюционной армии буржуазной Литвы.

Революционно настроенные немецкие солдаты часто передавали литовским рабочим необходимую информацию. Есть данные о том, что сочувствующие коммунистам немцы сообщили местным партизанам о численности литовской буржуазной армии, вооружении и настроениях немецких солдат в Алитусе и тем самым помогли наступающим красноармейцам³⁶. В шяуляйском гарнизоне и солдатском Совете было немало немецких коммунистов, которые своевременно предупреждали рабочие организации о решениях солдатского Совета³⁷. Телеграфист Радвилишкской железной станции спартаковец Рейс сообщал местным коммунистам, куда направляются немецкие поезда, когда можно раздобыть из них оружие и т.д.³⁸.

Революционно настроенные немецкие солдаты иногда переходили на сторону Красной Армии и оказывали конкретную военную помощь трудящимся Литвы в борьбе за социализм. Участник

революционного движения генерал-майор Я. Мациняускас в своих воспоминаниях указывает, что в городке Обяляй Рокишского уезда один из молодых лейтенантов, заявивший, что он спартаковец, перешел на сторону Красной Армии и оказал ей большую помощь³⁹. Н. Каганас вспоминает о спартаковце Максе Эккеле, перешедшем на сторону Красной Армии⁴⁰.

Выполняя оперативное задание, они оба 19 апреля 1919 г. под Кайшядорисом попали в руки немецкой контрразведки⁴¹. Р. Райткавичюс называет 21 немецкого солдата, перешедшего на сторону Красной Армии на участке литовской дивизии⁴². 12 февраля 1919 г. на сторону Красной Армии под Алитусом перешло 40 немецких солдат⁴³.

Революционные действия немецких солдат в Литве явились частью солидарности с Советской страной. Советскую власть последовательно поддерживали только самые сознательные марксистские элементы. К сожалению, основная солдатская масса объективно служила контрреволюции, хотя часто выдвигала антимилитаристские требования и дезертировала из армии.

Тем не менее, изложенные факты позволяют утверждать, что часть немецких солдат под влиянием спартаковцев и литовских коммунистов оказывала определенную конкретную помощь трудящимся Литвы, открыто выражала свою классовую солидарность с социалистической революцией в Литве в 1918-1919 гг. Таким образом, в эти годы были заложены основы дальнейшего плодотворного сотрудничества компартий Литвы и Германии.

Ссылки на литературу

- ¹ Karsukas V. Pirmoji Lietuvos proletarine revoliucija ir Tarybu valdžia. Vilnius, 1958; Angarietis Z. Lietuvos KP susikūrimas ir proletarine revoliucija Lietuvoje. Vilnius, 1962.
- ² Vaitkevičius B. Socialistine revoliucija Lietuvoje 1918-1919 metais. Vilnius, 1967. Jurginis J. Užsienio interventu ir vietines buržuazijos puolimas prieš Tarybu Lietuva 1918-1919 metais. - Kn.: Už socialistine Lietuva. Vilnius, 1960, p.119-134; Жигжда Ю., Файнгаукас Д. Революционное движение в немецких войсках в Литве (1918-1919 годы). - Новая и новейшая история, 1957, № 3, с.30-45.

- 3 Nauja gadyne, 1918, 19.XII.
- 4 Zeitung der 10.Armee, 1918, 17.XII.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же, 18.VII. 1918.
- 8 Angarietis Z. LKP susikūrimas ir proletarinė revoliucija Lietuvoje, p.47.
- 9 Там же, с.81.
- 10 Karsukas V. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija ir Tarybu valdžia, p.152.
- 11 Пролетарская правда, 1918, 26.XII.
- 12 Там же, 1919, 2.I.
- 13 Там же.
- 14 Пролетарская правда, 1918, 26 дек.; Звезда, 1920, 25 янв.; Воспоминания К. Стаскиса. - Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Литвы (далее - ПА), ф.3377, оп.3377-2; д.132, л.35.
- 15 См.: Angarietis Z. Lietuvos KP susikūrimas ir proletarinė revoliucija Lietuvoje, p.61.
- 16 "Karo archyvas", t.III, Kaunas, 1956, p.357.
- 17 Komunistas, 1919, 14.I.
- 18 Karsukas V. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija ir Tarybu valdžia, p.159..
- 19 Грауде Т. Первый Каунасский Совет. - Советская Литва, 1967, 3.июня.
- 20 Komunistas, 1919, 23.II.
- 21 Wilnaer Zeitung, 1918, 1.XII.
- 22 Die Wacht im Osten, 1918, 17.XI.; Wilnaer Zeitung, 1918, 20.XI.; Zeitung der 10.Armee, 1918, 24.XII.
- 23 Karo archyvas, t.VII, p.336.
- 24 ПА, ф.3377, оп.3377, д.848, л.II.

- 25 Vaitkevičius B. Socialistinė revoliucija Lietuvoje 1918-1919 metais, p.632-633.
- 26 Жигжда Ю., Фейнгаузал Д. Революционное движение..., с.40.
- 27 Angarietis Z. LKP ikūrimas ir proletarine revoliucija Lietuvoje, p.32.
- 28 LIA, t.III, p.225.
- 29 Коммунист, 1919, 8.I.
- 30 Jurginis J. Vilnius - Tarybų valdžios centras Lietuvoje (1918-1919). Vilnius, 1949, p.18.
- 31 Tautkaite E. Raštai. Vilnius, 1965, p.525; Tautkaite E. Taksis takeliais i didi kelia. Vilnius, 1957, p.41.
- 32 Komunistas, 1919, 30.III; 1919, 15.IV.
- 33 Там же, 1919, 22.VI.
- 34 Vaitkevičius B. Socialistinė revoliucija Lietuvoje 1918-1919 m., p.633-634.
- 35 Karo Archyvas, t.1, p.197.
- 36 Proletarine revoliucija Lietuvoje, p.354.
- 37 Там же, с.209.
- 38 Там же, с.215, 30I.
- 39 Там же, с.433.
- 40 ПА, ф.3377, оп.46, д.36I, л.4.
- 41 Там же.
- 42 Vaitkevičius B. Socialistinė revoliucija Lietuvoje 1918-1919 metais, p.635.
- 43 Жигжда Ю., Фейнгаузал Д. Революционное движение..., с.40.

НОВАЯ РЫСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ
И РАЗЛОЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК В ЭСТОНИИ

Ноябрьская революция уничтожила в Германии монархию и нанесла серьезный удар по устоям власти монополий, помещиков и милитаристов. Важную роль в ходе революции, наряду с рабочим классом, сыграли вооруженные силы Германии, еще незадолго до этого считавшиеся надежным оплотом германского империализма.

Как известно, революционные выступления немецких солдат и матросов происходили в те дни не только на основных фронтах и в самой Германии, но и в германских войсках, оккупировавших Прибалтику и некоторые другие территории, входившие ранее в состав царской России. Весьма активно развивались революционные события в рядах 8 германской армии и флотских формированиях, дислоцированных в Эстонии. При этом большое революционизирующее влияние на немецких солдат и матросов оказывали контакты с местным населением, которое вело последовательную борьбу против оккупантов. Как справедливо указывает известный политический деятель и историк ГДР Альберт Норден: "Трудящееся население этих стран (т.е. Латвии и Эстонии. - Я.Р.) в своем подавляющем большинстве было на стороне большевиков, и это, в конечном счете, не могло не отразиться на немецких солдатах, вышедших из рабочей среды".¹

Революционное движение среди немецких солдат и матросов, находившихся в Эстонии, началось еще до ноября 1918 года. Неповиновение приказам офицеров, переход через демаркационную линию на сторону Красной Армии, создание революционных ячеек в частях и подразделениях оккупационных войск, а также открытое проявление солидарности с борьбой эстонского трудового народа против захватчиков - вот только некоторые формы этого движения, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы.

Командование оккупационными войсками было серьезно обеспокоено ростом революционного движения среди немецких солдат и матросов и принимало решительные меры к его пресечению. Весной и летом 1918 года участились аресты, направления на Западный фронт, а также расстрелы революционно настроенных военнослужащих. В целях интенсификации борьбы против революционных настроений и их носителей 30 мая 1918 года в Тарту, где в то время находился штаб 8 армии, была создана новая военная полицейская организация (mobile Zentralpolizeistelle).² Осенью, когда центром революционного движения в оккупационных войсках стал Таллин, там была образована особая военная служба безопасности (militärische Sicherheitsdienst Reval). Эта организация была подчинена военному коменданту Таллина, но в случае необходимости ее сотрудников можно было использовать и вне пределов города.³

Однако ни создание новых следственных и карательных организаций, ни принятие других мер воздействия на немецких военнослужащих не дали результатов, и революционное движение в оккупационных войсках продолжало шириться по мере того, как нарастала революционная ситуация в Германии. Анализируя международную обстановку, сложившуюся к началу октября 1918 года, В.И. Ленин писал: "В Германии разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом... Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам вочью".⁴

В.И. Ленин понимал, какое огромное значение для молодого советского государства будет иметь революция в Германии. Поэтому он считал необходимым активизировать политико-разъяснительную работу в германских оккупационных войсках, чтобы таким образом ускорить ход событий. Встречаясь с представителями центра коммунистических организаций оккупированных местностей, он требовал усиления революционной пропаганды среди немецких военнослужащих и рекомендовал создать специальное бюро переводчиков, где можно было бы оперативно переводить на немецкий язык политические документы".⁵

Вопросы деголлюцинизации немецких оккупационных войск обсуждались и на конференции коммунистических партий оккупированных местностей во второй половине октября 1918 года в Москве. Выступивший на этой конференции представитель компартии Эстонии Яан Сихвер призвал местные партийные организации улучшить контакты с революционными ячейками в немецких воинских частях⁶. Конференция приняла специальную резолюцию о работе в германской армии, в которой ставился вопрос о пропаганде братания и единения с революционно настроенными частями оккупационных войск. Было также принято решение о создании при Центральном бюро коммунистических партий оккупированных местностей отдела, который занимался бы всеми проблемами пропаганды в немецких войсках. Конференция обратилась с просьбой в ЦК РКП(б) командировать в этот отдел всех, кого можно было бы использовать в интересах агитационной работы среди военнослужащих кайзеровской Германии⁷.

Ряд мероприятий по активизации разъяснительной работы среди немецких солдат и матросов, служивших в Прибалтике, был осуществлен в октябре 1918 года немецкой группой РКП(б). В частности, в оккупированную Эстонию, в том числе и в Таллин, были направлены агитаторы, бывшие военнопленные, которым удалось в некоторых немецких частях создать революционные ячейки⁸.

Всемерное усиление организационной и пропагандистской работы накалило политическую обстановку в оккупационных войсках к началу ноября 1918 года до предела. Именно тогда началось там создание матросских и солдатских советов, ставших на некоторое время центрами революционной борьбы. Известно, что первые советы были созданы в Таллине, Лиепае и Вентспилсе уже 5 ноября 1918 года⁹. Все это означало, что в немецких войсках в Прибалтике созрела революционная ситуация. Поэтому известие о начале революции в Германии послужило искрой, вызвавшей восстание матросов и солдат оккупационных войск.

Как и в самой Германии, первыми в Прибалтике выступили военные моряки. 9 ноября 1918 года на германских кораб-

лях, находившихся в таллинском порту и на рейде, были подняты красные флаги. Восставшие матросы наладили связь с солдатами пехотных частей, с эстонским населением. Контакты были также налажены с командой советского госпитального судна "Океан", стоявшем на рейде. Восстали и солдаты таллинской морской авиационной базы, которые уничтожили находившиеся там самолеты и стали продавать военное имущество. Командование Северного корпуса и Таллинской морской крепости попыталось подавить революционные выступления матросов и солдат, но баварские части, которым было поручено выполнить приказ, отказались выступить против восставших¹⁰.

Вскоре революционные события перекинулись из Таллина на другие немецкие гарнизоны, наметился развал всей оккупационной системы, в штабах царил паника. Особенно растерялся под влиянием революционных выступлений командир Северного корпуса генерал А.Зеккендорф, который предложил даже немедленно призвать в Таллин английские военные корабли в качестве единственной надежной защиты¹¹. Стремясь избежать худшего, командование оккупационных войск было вынуждено согласиться со многими требованиями восставших, пойти на известную либерализацию порядков в войсках и обещать солдатам и матросам организовать их возвращение на родину.

Революция в Германии и революционные выступления в оккупационных войсках поставили перед эстонскими большевиками задачу; заручившись поддержкой немецких солдат и матросов, свергнуть в Эстонии оккупационный режим. 11 ноября 1918 года в Таллине должны были начаться соответствующие переговоры, после которых намечалось захватить власть¹². Однако реализовать этот план не удалось. Того же 11 ноября командование оккупационных войск в Таллине заключило классовый союз с представителями эстонской реакции и поставило у власти буржуазное Временное правительство. Как писал руководитель Коммунистической партии Эстонии Виктор Кингисепп, в результате этой сделки "эстонская буржуазия стала законной наследницей немецкой империалистической контрреволюции... крайне активным в борьбе против революции трудящихся сателлитом"¹³.

Добавим, что командованию оккупационных войск удалось убедить совета, а также значительную часть немецких солдат и матросов в том, что создание буржуазного Временного правительства осуществлено в интересах эстонского народа. В результате солдатский совет таллинского гарнизона обратился с предупреждением к населению города, в котором сообщал, что немецкие войска до отъезда на родину берут на себя охрану порядка¹⁴. Несмотря на это предупреждение 12 ноября 1918 года пролетариат Таллина вышел на улицу для решающей борьбы, однако против него были двинуты немецкие войска и колоннам рабочих пришлось отступить.

Что же произошло с революционными немецкими матросами и солдатами, которые на протяжении многих месяцев были солидарны с борьбой рабочего класса Эстонии? Почему в решающий момент они оказались по ту сторону баррикады, в одном строю с командованием, местными баронами-помещиками, а также с эстонской буржуазией и правыми социал-демократами?

Отвечая на этот вопрос, необходимо, прежде всего, сослаться на те же факторы, которые не позволили в Германии Ноябрьской революции перерасти в революцию социалистическую. Это-отсутствие коммунистической партии и тесное сотрудничество социал-демократии с буржуазией. Как и в Германии, многие солдатские и матросские советы оккупационных войск в ходе революционных событий попали под влияние правых социал-демократов и превратились в органы соглашательской политики. Следует подчеркнуть, что особенно неблагоприятную роль в направлении деятельности советов на путь соглашательства сыграл уполномоченный республиканского правительства Германии по Прибалтике Аугуст Винниг.

К сожалению, сохранилось сравнительно мало сведений о персональном и политическом составе матросских и солдатских советов оккупационных войск в Эстонии. Известно, однако, что в составе Таллинского солдатского совета одну треть составляли офицеры и что этот совет возглавлялся правым социал-демократом, профсоюзным деятелем из Маннгейма Зауэром¹⁵. Известно также, что солдатский совет в Пярну находился под сильным

Влиянием одного майора¹⁶ и что в составе солдатского совета в Нарве были почти только одни офицеры¹⁷. В первые дни революционных выступлений весьма левых взглядов придерживался солдатский совет в Тарту. Решительные действия совета и его нежелание передать власть представителям эстонской буржуазии вызвали растерянность в рядах последней. Однако вмешательство А. Виннига в корне изменило политику совета и вскоре, по его словам, тартуский совет возглавил "надежный профсоюзный деятель, редактор Шейфер"¹⁸.

Действия солдатских и матросских советов создавали большие трудности в борьбе эстонского рабочего класса за восстановление в стране советской власти. Положение осложнилось особенно после того, как командование оккупационных войск удалось нейтрализовать влияние советов на внутренние события в Эстонии и начать затягивание эвакуации в Германию. При этом республиканское правительство, руководствуясь условиями Компьенского перемирия, со своей стороны делало все для того, чтобы убедить солдат остаться в Прибалтике до тех пор, пока США и страны Антанты не признают, что для отвода немецких войск настало подходящее время¹⁹.

Призывы остаться еще на неопределенное время в Прибалтике германское правительство подкрепляло тезисом о необходимости защищать интересы прибалтийско-немецких помещиков²⁰. Однако этот довод не оказал на немецких солдат ожидаемого влияния. За время пребывания в Эстонии и Латвии они неплохо разобрались в классовой сущности прибалтийского немецчества и в конфликтах между помещиками и крестьянами нередко вставали на сторону последних²¹. В результате призывы к выполнению "национального долга" повисли в воздухе и уполномоченный германского правительства А. Винниг был вынужден с раздражением констатировать, что немецкие солдаты "в сумбурном интернационализме... видели в эстонцах своих друзей, которые были им ближе, чем родственные по племени немцы"²².

Следует, однако, отметить, что далеко не все немецкие военнослужащие были удовлетворены контрреволюционный

деятельностью командования и соглашательской политикой советов. Многие солдаты и матросы продолжали выступать за осуществление подлинно революционных мер в войсках и за безотлагательное возвращение в Германию. На поддержку таких настроений была направлена и политическая работа, которую продолжали вести в оккупационных войсках эстонские большевики и немецкая группа РКП(б).

Так, в одном документе от 13 ноября 1918 года сообщается, что в Эстонию для работы среди немецких солдат направлены агитаторы, в том числе и немцы²³. Из другого документа видно, что в этот же период в Эстонию переправлено для распространения среди немецких солдат 4000 экз. листовок, 350 экз. газеты "Die Welt-Revolution" и другая пропагандистская литература²⁴. Наконец, 19 ноября 1918 года в письме из Нарвы сообщалось, что эстонские большевики создали там революционный штаб в составе 5 человек, который должен был организовать разъяснительную работу среди немецких солдат. Указывалось также, что в район Нарвы для активизации пропагандистской работы в немецких частях из Таллина направлялись дополнительные агитаторы, владевшие немецким языком²⁵. Отметим, что в этот период в районе Нарвы велась подготовка к наступлению эстонских частей Красной Армии.

Недовольство политикой командования и советов, а также все усиливавшееся влияние революционной пропаганды повлекли за собой дальнейший развал воинской дисциплины во многих оккупационных частях и подразделениях. Стремясь любыми средствами достичь своих целей, немецкие солдаты стали часто действовать вопреки указаниям соглашательских советов, образуя иногда новые организации, способные взять на себя руководство революционными действиями. Так было, например, в районе Сыренца (Васькарва), где солдаты образовали комитет, под руководством которого стали покидать позиции вдоль реки Нарва²⁶.

Особенно ярко проявилась революционность части немецких солдат в конце ноября, начале декабря 1918 года, когда эстонские и латышские формирования Красной Армии начали на-

ступательные операции с целью освободить Прибалтику силой оружия. Так, в Гунтсербурге (Нарва-Ймесу) немецкие солдаты 405 полка 205 пехотной дивизии отказались выступить против советского морского десанта. По инициативе агитатора, бывшего военнопленного Меервальда был созван митинг, на котором собравшиеся провозгласили солидарность с высказывавшимися эстонскими подразделениями Красной Армии. Резолюция, принятая участниками митинга, предусматривала направление делегации в Нарву, с тем чтобы убедить находившихся там солдат других полков дивизии сдать город без боя и не передавать белоестонцам оружие и боеприпасов²⁷. Аналогичные события происходили в районе Чудского озера²⁸, а также на юге Эстонии, где немецкие солдаты отказались выступить на фронт²⁹. Важные события развернулись в начале декабря на подступах к городу Бирю, где представители солдат-окопников 388 полка 19 дивизии ландвера, минуя солдатский совет, договорились с командованием наступающей колонны Красной Армии о сдаче города без боя³⁰. Почти одновременно похожие события произошли у города Гулбене в Латвии, а 17 декабря два полка все той же 19 дивизии ландвера без боя сдали город Валга³¹.

В декабре, в обстановке начавшейся на территории Эстонии гражданской войны, немецкие солдаты оказывали в ряде случаев советским войскам и эстонскому пролетариату и индую помощь. Архивные источники, а также мемуары некоторых политических и военных деятелей сохранили многочисленные примеры передачи оружия борцам за советскую власть и, по меньшей мере, один случай разоружения немецкими солдатами эстонских белогвардейцев³². Откровенные проявления немецкими солдатами симпатий к наступающим частям Красной Армии вызвали тревогу не только у командования оккупационных войск, но и в кругах эстонского Временного правительства. Последнее даже выразило протест странам Антанты. Так, например, в ноте английскому правительству указывалось, что "немецкие солдаты... действуя, очевидно, в согласии с большевиками, уничтожили дорожное и телеграфное сообщение между Таллином и Сонда"³³. Все такого рода примеры интерпретировались руководителями

эстонской буржуазии как нарушение немецкой стороной условий Компъенского перемирия.

Но запоздалые проявления классовой солидарности и поддержки эстонского народа в его борьбе за восстановление советской власти не могли уже изменить общего хода развития событий. Правда, отходя, немецкие войска не оказывали упорного сопротивления Красной Армии, что позволило освободить большую часть Эстонии и установить там Советскую власть во главе с Эстляндской Трудовой Коммуной. Но, когда немецкие войска к концу декабря покинули наконец Эстонию, то их место там успели занять английские, финские, датские и прочие интервенты. Таким образом, если немецкие оккупанты поставили эстонскую реакцию у власти, то интервенты других стран помогли эстонской буржуазии вкупе с правыми социал-демократами отстоять и укрепить эту власть.

Итак, Ноябрьская революция в Германии не переросла в социалистическую, а восстание немецких матросов и солдат оккупационных войск не слилось в единое революционное выступление с рабочим классом Эстонии, который вел справедливую борьбу за восстановление в стране советской власти. Как указывалось, основными причинами спада революционного движения в оккупационных войсках было отсутствие в Германии коммунистической партии и соглашательская политика правых социал-демократов. Необходимо добавить, что и пропагандистская работа, проводившаяся эстонскими большевиками и немецкой группой КП(б) среди немецких военнослужащих не учитывала всех особенностей политической обстановки в Эстонии. Основной упор в этой работе делался на разъяснение общих вопросов, что, конечно, было крайне необходимо. Однако немецким солдатам и матросам мало разъяснялась расстановка политических сил в стране, не разоблачались политические цели буржуазных и, особенно, мелкобуржуазных партий. В результате многие немецкие солдаты и матросы оказались не в состоянии разобраться в вопросе, кто же в действительности представляет подлинные интересы эстонского трудового народа.

Однако несмотря на эти просчеты и ошибки, революцион-

ные события в немецких оккупационных войсках, дислоцированных в 1918 году в Эстонии, имели большое значение. Они, в частности, свидетельствуют об огромном вдохновляющем влиянии Великого Октября на солдат и матросов кайзеровской Германии.

Ссылки на литературу

- I Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1956, с.244.
- 2 Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф.4840, оп.1, д.1, л.134.
- 3 Таллинский государственный архив (ТГА), ф.893, оп.1, д.21, лл.3-5.
- 4 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.37, с.97.
- 5 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), ф.333, оп.1, д.3, л.10.
- 6 Там же, л.6.
- 7 Там же, л.33.
- 8 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф.17, оп.11, д.11, л.22.
- 9 Норден А. Указ. соч., с.244-245.
- 10 Grimm, C. Vor den Toren Europas 1918-1920. Geschichte der baltischen Landeswehr. Hamburg, 1963, S.14; Schücking, L. Ein Jahr auf Oesel. Berlin, Riga, Leipzig, 1920, S.103.
- II Норден А. Указ. соч., с.235.
- 12 Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1961, ч.1, с.351.
- 13 Кингисепп В. Борьба против иностранных империалистов и их пособников. Сборник статей и листовок. Таллин, 1956, с.52.
- 14 Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР СССР), ф.Р-1258, оп.1, д.1, л.78.
- 15 Winnig, A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921, S.41; Postimees, 1918, 26 nov.

- 16 *Lehtinen*, 1918, 20. nov.
- 17 Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф.1171, оп.2, д.7, л.16.
- 18 *Minnig*, A. Op.cit., 3.40.
- 19 История дипломатии. II., 1945, т.2, с.375-376.
- 20 ЦГАСА, ф.190, оп.3, д.567, л.23.
- 21 Норден А. Указ соч., с.245;
- 22 *Minnig*, A. Op.cit., 3.43.
- 23 Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Эстонии (ПА КПЭ), ф.6495, оп.1, д.13, л.7.
- 24 ПА КПЭ, ф.6495, оп.1, д.12, л.1.
- 25 ПА КПЭ, ф.6495, оп.1, д.6, л.40.
- 26 ЦГАСА, ф.190, оп.1, д.577, л.4.
- 27 *Die Welt-Revolution*, 1918, 22. Dez.
- 28 *Minnig*, A. Op.cit., 3.34.
- 29 ЦГАОР ЭССР, ф.31, оп.1, д.74, лл.87-88.
- 30 ЦГАСА, ф.1171, оп.1, д.5, л.59. См. также Кондратьев Н. Ян Табрициус. Биографический очерк. Рига, 1954, с.100-102.
- 31 *Grimm*, G. Op.cit., 3.44.
- 32 ЦГАОР ЭССР, ф.31, оп.1, д.74, л.88.
- 33 *Piip*, A. *Tõlmine aasta*. Tartu, 1920, lk.582.

Л. Элонер

УСЛОВИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПО НАИ ОРУ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ ПРИБАЛТИКИ НАКАМУНЕ 1918г.

Марксистская историография в ГДР занимается уже некоторое время вопросами иммиграции иностранных рабочих в Германию и использования их в промышленности и в сельском хозяйстве, а также вопросами политики германского империализма в отношении к иностранным рабочим¹. Имеется несколько работ о депортации граждан из прибалтийских советских республик в Германию и о принудительном труде во время второй мировой войны¹. Однако до сих пор нет публикаций о положении трудящихся из Прибалтики, работавших в Германии в течение последних десятилетий до второй мировой войны. Лишь в последнее время выявлены некоторые материалы по этому вопросу.

С 90-х годов XIX века отмечается растущий ввоз иностранных рабочих в Германию². В итоге уже накануне первой мировой войны в Германии находилось около 1.200.000 иностранных рабочих; из них около половины работали в промышленности, другие — в сельском хозяйстве, особенно в кинкерских поместьях т.н. "Остэльбии". Среди этих иностранных рабочих было от 400.000 до 500.000 поляков (в основном сельскохозяйственных рабочих), из Австро-Венгрии и России. Германские монополисты и кинкеры при вербовке стремились заполучить возможно более дешевую и послушную рабочую силу, какой и являлись иностранные рабочие. С этим намерением до первой мировой войны были предприняты попытки завербовать кроме трудящихся поляков из России и Австро-Венгрии также рабочих из Прибалтики. Это было тесно связано с антипольской политикой

Пруссия - Германия, которая между прочим одно время пыталась частично заменить польских рабочих украинцами или рабочими других национальностей. Однако на рубеже XIX и XX вв. усилия привлечь латышей и эстонцев для работы в прусских имениях оказались безуспешными. Согласно дипломатическим донесениям, было мало надежд получить таких рабочих, потому что помещики в Прибалтике не были заинтересованы в такой иммиграции. Следует также учитывать трудности, которые были связаны с различием аграрной структуры, с возможностью рабочей силы и др. Кроме того, в это время германские правящие круги не желали еще более осложнять ход переговоров, которые велись перед первой мировой войной между германскими и российскими правительствами по вопросам миграции рабочих из России в Германию. И, наконец, что также немаловажно, опыт двух имений провинции Позен (Познань) по использованию рабочих из Прибалтики оказался для кюкиеров невыгодным, так как латыши и эстонцы выдвигали, с точки зрения помещиков, "излишне претенциозные" требования. Прусское министерство сельского хозяйства поэтому воздерживалось пока от широких усилий для вербовки латышей и эстонцев. Одновременно не имели успеха и намерения получить большее количество рабочей силы из Финляндии, Гелогруссии, а также из Украины⁴. Таким образом, в целом из России до первой мировой войны в Германию прибывали в основном польские рабочие. Все же время от времени предпринимались новые попытки использовать рабочую силу из Прибалтики для германских монополий и крупных помещиков. Статистические данные этого времени, несмотря на разные неточности, свидетельствуют о наличии таких тенденций.

По данным немецкого рабочего центра (Deutsche Arbeitszentrale)⁴, а также по неопубликованным прусским статистическим данным⁵, в Германии в последние предвоенные годы находились от 3.000 до 4.000 рабочих из Литвы, а также некоторое, намного меньшее количество латышей и эстонцев. В конце 1914 г. в Пруссии насчитывалось 202.000 подданных России. В их числе - 1930 литовцев, из которых 1288 работали в

сельском хозяйстве, 506 в промышленности и 138 в горнорудном деле⁵. С началом войны т.н. "русские" рабочие были подвинуты принудительному труду, прикреплены к рабочим местам и усиленно эксплуатировались^{6,7}. Одновременно немецкие власти старались набирать дополнительную рабочую силу на территориях, оккупированных германскими войсками, и депортировать ее в Германию. Такие стремления были особенно очевидны в созданных германскими оккупантами генерал-губернаторствах Гельгин и Польша. Материалы, в которых содержатся точные доказательства об объеме депортации, опубликованы в последние годы в ГДР. По нашим подсчетам, в 1915-1918 гг. насильственно были вывезены в Германию по меньшей мере 205.700 бельгийцев^{8,9}; не менее 300.000 рабочих были депортированы в Германию из варшавского генерал-губернаторства. В противовес утверждениям ряда историков ФРГ, согласно которым во время первой мировой войны иностранные рабочие в основном якобы добровольно отправились в Германию¹⁰, упомянутые данные подтверждают наше мнение о том, что в течение всей войны и в отношении рабочих из царской России надо говорить о принудительном труде. Соответственно нельзя говорить и о добровольности при отправке на работу в Германию. Мы при этом говорим не только об экономическом принуждении, которое вызывало и в довоенное время миграцию рабочих и на которое указывал В.И. Ленин, говоря, что только самая крайняя нужда заставляет людей оставить родину. Экономическое принуждение усиливалось оккупантами путем хищения сырья и промышленных установок, прекращением работы в ряде отраслей промышленности на оккупированной территории и т.п. С нарастающей силой немецкие оккупанты переходили во время войны к применению внеэкономического принуждения. Принудительная мобилизация на работу и депортация приняли особенно большие размеры с осени 1916 г.

Господствующие круги, вербуя рабочих в оккупированных областях, преследовали две цели: во-первых, еще в ходе войны получить по возможности больше рабочих и, во-вторых, обеспечить на послевоенное время возможность вербовки иностранных рабочих и их ввоза в Германию. В отношении первой цели, за-

ключенные в годы войны договоры должны были обеспечивать использование потенциала рабочей силы других стран³. При всех переговорах, — с Финляндией о мирном договоре по соглашению о торговле и судоходстве, с Украинской Центральной Радой, и, наконец, с Советской Россией в Иресте, — везде представители германского правительства выдвигали требования о наборе рабочих. Что касается подготовки договора с Россией, то после совещаний и дискуссий в различных ведомствах удалось в конце концов на заседании в Имперском ведомстве хозяйства (Reichswirtschaftsamt) 4 декабря 1917 г. принять следующую формулировку, которая и была включена в разработанный министерством иностранных дел проект заключаемого с Россией торгового договора: "Русское правительство обязуется допустить сезонные поездки рабочих в Германию... Разрешение этих поездок со стороны русского правительства не должно зависеть от наличия паспорта и другого особого легитимационного документа. Вербовка рабочих должна быть разрешена тем немецким организациям, которые германское правительство назовет русскому правительству в качестве компетентных"¹³.

В связи с подготовкой мирного договора с Россией и соответственного торгового договора германское правительство намечало вербовку рабочей силы также из Прибалтики. Так, например, 18 декабря 1917 г. статс-секретарь военного продовольственного ведомства фон Вальдов заявил о подготовке договора с Советской Россией буквально следующее: "Россия должна по меньшей мере обязаться никоим образом не мешать эмиграции сельскохозяйственных рабочих в Германию, в прибалтийские государства, в Литву и Польшу, .. не связывать въезд сезонных рабочих с какими-либо затрудняющими условиями; также не мешать Германии в развертывании вербовочной деятельности соответствующих организаций в России; до окончания экономической войны Антанты без согласия Германской империи не разрешать никакой эмиграции сельскохозяйственных и про-

миллионных рабочих в страны Антанты. Впоследствии же направить поток эмигрантов через Германию. Такие же обязательства должны быть наложены на прибалтийские государства, Литву и Польшу; последние также не должны мешать транзиту русских сезонных рабочих или затруднить его"¹⁴. В мае 1918 г. прусский министр внутренних дел указал: "Забровка рабочих в Курляндии и Литве имеет далеко не то значение, которое она имеет для нас в Польше. Все же необходимо заключение аналогичных соглашений с этими государствами, чтобы быть во всеоружии относительно будущего развития"¹⁵. Как видно, задумано было много. Но из-за поражения Германии в первой мировой войне этот план не был осуществлен.

Пока различные германские ведомства в последние месяцы войны разрабатывали все новые планы для набора иностранных рабочих на послевоенный период, представители господствующего класса в это же время старались еще в годы войны обеспечить немецкую военную промышленность и сельское хозяйство по возможности большим количеством иностранных рабочих. Однако их ожидания не были оправданы. Например, с весны до осени 1918 г. немецкие оккупанты смогли мобилизовать в оккупированных немецкими войсками областях Украины лишь 10-12 тыс. рабочих. Это усилило стремление набрать рабочих из других оккупированных областей. По сообщению Немецкого рабочего центра, во время первой мировой войны следующее количество рабочих были завербованы из Прибалтики и из оккупированной немецкими войсками русской территории (кроме Польши): из Литвы 24.239, из других прибалтийских земель 3650. Эти цифры вероятно скорее занижены, чем завышены. В них, в частности, не включены и десятки тысяч рабочих, которые должны были принудительно работать в составе гражданских трудовых батальонов на заводах и в учреждениях различных управлений германских войск. В противовес буржуазным исследователям надо констатировать, что и относительно комплектования рабочих в прибалтийских странах в 1917 и 1918 гг. также нельзя го-

говорить о добровольности, а следует говорить о принуждении²¹.

Для представителей немецких оккупантов это было, впрочем, совершенно ясно, что подтверждается и материалами из Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР. Так, тилловая инспекция 8-й армии писала немецким уездным начальникам 18 февраля 1917 г.: "Полное использование всех имеющихся рабочих безусловно необходимо и если потребуется, оно будет проводиться принудительно"¹⁹. На совещании, проводившемся при "Обер-Ост" 17 декабря 1917 г. по вопросу рабочей силы²⁰ высказывалось общее мнение военных управлений и других компетентных военных учреждений в оккупированных областях Прибалтики о том, "что удовлетворение требований в рабочей силе без принуждения не будет возможным". Однако Обер-Ост считал нужным сохранить функцию свободной вербовки из-за внутриполитического положения (настроение населения), а также из-за протестов в германском рейхстаге и за границей; кроме того, такой позиции давалось еще и следующее обоснование: "Принудительная система потерпела фиаско. Производительность труда принудительно мобилизованных рабочих минимальна... многие бегут... наши органы недостаточны для принудительного охвата всех людей... Охота на людей, которая, к сожалению, еще происходит и в самое последнее время, не должна больше иметь место..." Если для Обер-Ост речь шла прежде всего о тактических соображениях, чтобы повысить количество и производительность труда мобилизованных рабочих, то большинство представителей военных управлений оккупированной территории высказались на вышеуказанном совещании за сохранение принудительной мобилизации. Глава военного управления Гелосток-Гродно, например, заявил: "Принудительная система имела до сих пор успех. Это даже единственное средство, чтобы сохранить нам рабочих... Основа же должна оставаться, так как практические делатели совершенно едины в том, что каждый успех свободной вербовки рабочих достигается только тем, что существовала скрытая угроза принуждения". Начальник уезда

Кремер сформулировал эти же мысли так: "Принуждение должно оставаться в качестве скрытой угрозы. Нельзя так много полагаться на добровольность рабочих, этим здесь ничего не достигается". Представитель "Обер-Ост" фон Гайль, руководивший этим совещанием, резюмировал общее мнение: "В интересах поставленных перед нами задач мы не можем отказаться от принуждения. Некоторое принуждение должно поэтому и дальше проводиться. Принуждение может применяться, но без того, чтобы по субботним вечерам проводились "охота на людей" или имели место другие жесткие мероприятия. Мы поэтому настоятельно просим, чтобы принуждение применялось в таких формах, которые в случае необходимости Обер-Ост мог бы отстаивать и которые делу ничем не вредят".

Чем дальше шла война, тем сильнее росло стремление господствующих кругов передать всю имеющуюся рабочую силу военному хозяйству. Людендорф подтвердил это в мае 1918 г. следующими словами: "Со стороны действующей армии в оккупированных областях принимаются все возможные меры, чтобы использовать имеющуюся там рабочую силу для войск или для родины"¹⁶. В интересах повиновения количества депортированных в Германию директор Немецкого рабочего центра обратился 18 февраля 1918 г. к генералу Гоффману, начальнику генерального штаба Обер-Ост. Он указал, что вербовка в Польше, Литве и Белостоке имеет лишь незначительный успех и требовал возможности комплектовать рабочих непосредственно за линией фронта на Востоке¹⁷. В конце февраля - начале марта 1918 г. по согласованию между Верховным Главнокомандованием, штабом Обер-Ост и Немецким рабочим центром территория, на которой разрешалось проводить вербовку, была разделена на три сектора: Сектор I: Лифляндия, Эстляндия, Рига, Даугавпилс (Динабург) и окрестности; Сектор 2: Минская губерния и лагерь беженцев Барановичи; Сектор 3: Волынская губерния.

17 марта 1918 г. Командующий Восточным фронтом заявил о согласии с Верховным Главнокомандованием о разрешении Немецкому рабочему центру вербовать рабочих на следующих территориях¹⁸.

- 1) в области недавно проходивших военных операций до линии старых постоянных позиций;
- 2) в пределах расположения немецких войск на Украине;
- 3) в Диндлинди и Эстлинди;
- 4) на русской территории между Украиной и Ливонией;
- 5) в карантинных лагерях для репатриантов.

Только на территории военного управления Курляндии вербовку не следовало проводить.

Несмотря на все усилия, депортировать в последний год войны в Германию из Прибалтики и из других территорий Советской России, оккупированной немецкими войсками, хоть сколько-нибудь заметное количество рабочих не удалось. Существенной причиной этого было растущее сопротивление народных масс оккупантам. Поражение германского империализма в первой мировой войне и Ноябрьская революция положили конец этой печальной главе принудительного труда в Германии.

В намного больших масштабах эта практика была возобновлена нацистами, что не спасло гитлеризм от закономерного поражения.

Ссылки на литературу

- 1 Vgl. DDR-Literatur über Arbeiterwanderungen und Fremdarbeiterpolitik im Imperialismus. Forschungsstand und Bibliographie (Schriftenreihe "Fremdarbeiterpolitik des Imperialismus", N. 5), Rostock, 1979.
- 2 Lenin W.I. Der Imperialismus als höchstes Stadium des Kapitalismus. - Werke, Bd. 22.
- 3 Elsner L. Sicherung der Ausbeutung ausländischer Arbeitskräfte. Ein Kriegsziel des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. - In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Berlin, 1976, N 5.
- 4 Lichtweiss J. Die ausländischen Saisonarbeiter in der Landwirtschaft der Östlichen und mittleren Gebiete des Deutschen Reiches. Ein Beitrag zur Geschichte der preussisch-deutschen Politik von 1890 - 1914. Berlin, 1959.
- 5 Es handelt sich um die jährlich in Preussen angefertigten "Nachweisungen über Zugang, Abgang und Bestand der ausländischen Arbeiter in preussischen Staaten". - In: ZStA Wersberg, Rep. 87 B, Arbeitersachen, N 21 B. Einige Auszüge hier aus Teil IV, 259 ff.

- 6 Elsner L. Die ausländischen Arbeiter in der Landwirtschaft der östlichen und mittleren Gebiete des Deutschen Reiches während des ersten Weltkrieges. Ein Beitrag zur Geschichte der preussisch-deutschen Politik. Phil. Diss. Rostock, 1961.
- 7 Elsner L. Der Übergang zur Zwangsarbeit für ausländische Arbeiter in der deutschen Landwirtschaft zu Beginn des ersten Weltkrieges. - In: "Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1977, H 3, S.291 ff.
- 8 Elsner L. Belgische Zwangsarbeiter in Deutschland während des ersten Weltkrieges. - In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Berlin, 1976, N 11.
- 9 Elsner L. Zur Politik der herrschenden Kreise Deutschlands gegenüber den eingewanderten polnischen Arbeitern in den Jahren 1900-1918. - In: Deutscher Imperialismus und polnische Arbeiter in Deutschland 1900-1945 (Schriftenreihe "Fremdarbeiterpolitik des Imperialismus", Rostock, 1977, N 2.
- 10 Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des Militarismus in Deutschland. München, 1964. Bd. 3.
- 11 Zunkel F. Die ausländischen Arbeiter in der Kriegswirtschaftspolitik des ersten Weltkrieges. - In: Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Festschrift für Hans Rosenberg zum 65. Geburtstag. Berlin W, 1970.
- 12 Lenin W.I. Kapitalismus und Arbeiterimmigration. - Werke, Bd. 19, S.447 ff.
- 13 ZStA Potsdam, Büro Staatsminister Dr. Helfferich, N 19288, Blatt 21 ff.
- 14 Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrages. - In: Dokumentensammlung. Berlin, 1967. Bd. 1.
- 15 ZStA Potsdam, Büro Staatsminister Dr. Helfferich, N 19287, Blatt 33 f.
- 16 ZStA Potsdam, Reichsamt des Innern, N 13720, Blatt 2, Ludendorff am 17.5.1918 an Reichswirtschaftsamt, Reichskanzlei, Kriegsministerium/Kriegsamt.
- 17 ZStA Potsdam, Reichsamt des Innern, N 13718, Blatt 195 f.
- 18 ZStA Potsdam, Reichsamt des Innern, N 13718, Blatt 321 ff.
- 19 Zentrales Staatsarchiv der Lettischen SSR, Fond N 6414, Apr. 1, Arch. 9.
- 20 Ibid, Fonds N 6428, Apr. 1, Arch. 37.
- 21 Ottersberg K. Das Baltikum und Deutschland (August 1914 - März 1917). Phil. Diss. Berlin. 1963.

**СОТРУДИЧЕСТВО ОСТЗЕЙСКОГО ДВОРЯНСТВА И
ЛЮТЕРАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПО ВОПРОСУ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ЛАТЫШСКИХ КРЕСТЬЯН В 40-х - 50-х ГОДАХ XIX ВЕКА
(В КУРЛЯНДИИ И ЛИФЛЯНДИИ)**

Проследить отдельные направления политики остзейского дворянства в области просвещения, взаимоотношений дворянства и лютеранского духовенства, в решении вопросов школьного образования латышских крестьян - вот цель данной статьи. Остзейская историография отводит духовенству положительную роль в организации просветительской деятельности в середине прошлого века в Курляндской и Лифляндской губерниях, в то время как в действительности лютеранская церковь в Прибалтике была лишь одним из главных политических орудий эксплуатации крестьян, была орудием подчинения латышских крестьян власти немецких баронов, власти помещиков.

Рассматриваемый период исторически невелик, но богат значительными по своему содержанию событиями и процессами, и это дает возможность сделать некоторые обобщения в отношении обстоятельств, определивших политику дворянства в области просвещения, а также отношение духовенства к этой политике.

Отмена крепостного права в 1817 году в Курляндии и в 1819 году в Лифляндии способствовала формированию в недрах старого - феодального общественного уклада капиталистических отношений. К середине XIX века крайне обострились все противоречия феодализма. Сохранение формальной личной свободы крестьян, барщинная система хозяйства, сохранение полной и неограниченной собственности на землю и всех привилегий немецкого дворянства - довели классовые противоречия между латышскими крестьянами и остзейским дворянством до взрывоопасной ситуации.

Сороковые годы XIX века в Лифляндской губернии отмечены крестьянскими волнениями, появлением особой формы классовой борьбы — массовым переселением сельского населения в другие губернии России и переходом крестьян в православие.

Особое волнение среди немецкого дворянства и лютеранского духовенства вызвали стремления латышских крестьян к "русской вере". Лифляндские помещики рассматривали пропаганду православия среди латышских крестьян как нарушение местных привилегий¹¹.

В обстановке обострения классовых и национальных противоречий, остзейское дворянство пошло по пути поисков новых методов как в хозяйственном, так и социально-политическом и идеологическом плане, чтобы хоть частично приспособиться к новым условиям и в то же время сохранить и укрепить свое особое положение.

Одной из проблем, требовавших решения, был вопрос о народном просвещении. Как писал остзейский историк А.Тобин, проблемы крестьянского образования наряду с аграрным законодательством занимали все более значительное место в деятельности дворянства¹⁰.

Важным источником для изучения выдвинутых проблем являются законодательные акты прибалтийских губерний 40-х — 50-х годов XIX века. Среди них следует выделить патент, изданный лифляндским губернским правлением 4 апреля 1840 года об учреждении главного управления лифляндских сельских школ¹³.

Не меньший интерес представляют инструкции, изданные Главным управлением лифляндских сельских школ в 1845 году¹⁵ и отражающие дальнейшее развитие просветительской политики дворянства после событий сороковых годов.

Своего рода обобщение просветительной политики дворянства в 40-е годы XIX века было сделано в рамках временного закона о лифляндских крестьянах 1849 года⁵. На основе этого закона и всего старого школьного законодательства XIX века была составлена и в 1851 году издана новая инструкция, которая установила порядок создания и управления лифляндских сельских школ¹⁶.

Для изучения деятельности лютеранского духовенства в области образования латышских крестьян в рассматриваемый период важными источниками являются протоколы заседаний ливонских и курляндских синодов. (Такие протоколы издавались отдельно за каждый год в сокращенном виде под названием "Protokoll der Livländischen Provinzialsynode" и "Protokoll der Kurländischen Provinzialsynode", с указанием на место и год синода). Уже на первом заседании синода ливонского духовенства в 1834 году была создана специальная комиссия по изучению школьного вопроса. На заседаниях синода курляндского духовенства сообщения по школьному вопросу делал специально назначенный школьный референт. Материалы заседаний синодов позволяют прояснить позицию духовенства в области школьного образования, они отражают изменения этих взглядов и позволяют судить о причинах, заставлявших духовенство менять или же сохранять свои позиции.

Источником, характеризующим взгляды и деятельность остзейского дворянства и лютеранского духовенства в области просвещения латышского народа, являются также периодические издания того времени: газета "Латвиешу Авизес" и журнал "Дас Инланд".

Газетой "Латвиешу Авизес" (1822-1915) в рассматриваемый период руководили два представителя курляндского духовенства, отличавшиеся друг от друга своими политическими настроениями.

В период с 1835 года по 1849 год газета выходила под редакцией пастора Вильгельма Пантениуса. И если для газеты в целом характерна реакционная направленность, отражающая интересы немецких баронов, буржуазии и духовенства, то во время редактирования газеты В. Пантениусом в ней наблюдались некоторые либеральные тенденции. Вопрос школьного образования был одним из тех, в котором эти тенденции отражались наиболее четко.

С 1849 года по 1866 год газету возглавлял пастор Рудольф Шульц. Этот период характеризуется резкой реакционной позицией "Латвиешу Авизес", газета стала приобретать ярко выраженный религиозный окраску.

Ю.Алунанс в 1861 году писал, что Р.Шулц задался целью "в качестве смелого воина вступить в борьбу с возросшим духом времени и основательно излечить народ от светских устремлений"⁴. К подобного рода "светским устремлениям" газета относилась и тягу латышского крестьянства к образованию.

Журнал "Дас Инланд" издавался в период с 1836 по 1863 гг., в нем освещались главным образом вопросы истории, географии, литературы прибалтийских губерний. Определенное место в журнале отводилось и вопросам культурной жизни латышского народа - в основном вопросам образования крестьян.

В марксистской историографии политика просвещения остзейского дворянства в рассматриваемый период, а также роль и место лютеранского духовенства в развитии народного просвещения специально не исследовались. Тем не менее серьезным начинанием в изучении данного вопроса являются исследования советских авторов по смежной тематике. Так, для определения взглядов отдельных представителей остзейского дворянства важно ознакомиться с такими вопросами в работах Я.Зутиса, как сущность остзейского вопроса, происхождение и классовая сущность остзейских привилегий, а также вопросы прибалтийско-немецкой историографии².

Анализ политики остзейского дворянства в 50-е - 70-е годы XIX века в работе М.Духанова³ способствует уяснению многих вопросов, связанных с просветительной политикой остзейского дворянства. Среди таковых - вопросы стратегии, тактики и методов остзейского дворянства в борьбе за свое особое положение, отношение к крестьянству, к государственной власти и др.

Вопросы политики дворянства и духовенства в области просвещения латышского народа затронуты в исследовании М.Дризуле⁵, посвященном истории школ Латвии, и в статьях А.Салмина, Х.Строда, Л.Строде⁶, также посвященных проблемам истории школ.

Для выяснения позиций лютеранского духовенства интерес представляет исследование А.Сведлиса⁷, в котором рас-

смаатриваются вопросы места и роли лютеранской церкви в системе общественных отношений в Латвии в период с XVI по XIX в.

Интерес представляет также материалы, собранные латышскими деятелями народного образования. Для написания этой статьи автором была использована рукопись учителя К. Декена⁸ (1866-1942), в которой прослеживается история лифляндских сельских школ. Автор рукописи собрал весьма обширный фактический материал. К сожалению, в работе отсутствует глубокий анализ этого материала. В то же время ход событий автор прослеживает весьма четко, что помогает составить общее представление о делах народного образования в Лифляндии.

Большой фактический материал по выдвинутой проблематике представляет собой история школ Лифляндии и Курляндии, написанная буржуазным историком А. Вичем.⁹

При изучении места и роли лютеранского духовенства в развитии народного образования в прибалтийских губерниях в XIX веке интерес вызывает работа историка ФРГ Х. Гарве¹⁵, которая посвящена проблемам отношений общества и церкви в Прибалтике в XIX веке. Во многом прямо или косвенно Х. Гарве в своей работе стоит на позициях апологета политики остзейского дворянства и духовенства, хотя он и прибегает к несколько иным методам, чем апологеты этой политики в прошлые годы. Лютеранское духовенство Х. Гарве рассматривает как связующее звено между либеральными и реакционными, консервативными кругами остзейских дворян, а также в некоторой степени между дворянством и крестьянами, особенно в политике школьного образования. Таким образом, Х. Гарве предлагает расценивать лютеранскую церковь как сыгравшую в некоторых направлениях положительную роль в судьбах латышского народа.

Законами 1817 и 1819 годов об освобождении крестьян в Курляндии¹⁹ и Лифляндии¹⁸ от крепостной зависимости заведение крестьянскими школами было передано дворянству. Однако преобладающая часть немецких дворян до 40-х годов XIX века сопротивлялась созданию крестьянских школ. Позиции дворянства характеризует факт их отношения к созданию учебных заведений для подготовки учителей для крестьянских школ.

Так, ландтат У.Юок, выступая против создания учительских семинарий, писал, что все необходимое крестьянину в практической жизни, сам он усвоит лучше, чем при помощи "любого умного профессора или доктора"²¹:17.

Лишь немногие дворяне, которых остзейская историография причисляет к либеральным кругам, в 30-е годы XIX века начали понимать, что некоторая мера грамотности крестьян является необходимой предпосылкой для решения назревших социальных и экономических проблем, возникших в условиях кризиса феодального строя. Выступая в курляндском ландтаге в 1836 году, ландтат О.Мирбах подчеркнул, что: "...Крестьян через образование надо поднять материально выше - это наш долг, это наша двойная обязанность и не только во имя человечности и гуманности, а еще более - во имя своих собственных экономических интересов"⁹⁾.

Для выяснения позиций дворянства важен и тот факт, что 8 августа 1837 г. куратор Дерптского учебного округа обратился к Комитету министров с требованием передать крестьянские школы в его ведение. Хотя 13 сентября 1838 года Николаем I было подтверждено решение Комитета министров о том, что крестьянские школы Лифляндии останутся в руках у тех лиц, которым они переданы законами 1819 года, сам факт вмешательства правительства в школьные дела вызывал волнение среди дворянства.

В 1839 году лифляндский ландтаг широко обсудил школьный вопрос. Характеризуя состояние крестьянского образования, было отмечено, что в этом плане еще многое предстоит сделать.²¹ Ландтаг принял конкретные решения, на основе которых 4 апреля 1840 года был издан патент лифляндского губернского правления. Этим патентом было создано Главное управление лифляндских сельских школ, состоящее из пяти членов - четырех представителей дворянства и генерал-суперинтендента. Патент определял также выборы двух школьных ревизоров для каждого диакеза, один из которых был из представителей дворянства, другой из среды духовенства. В каждом уезде предусматривалось организовать уездное школьное управление, в которое вошли бы два представителя дворянст-

ва и один представитель духовенства. Открытие новых школ или закрытие старых разрешалось только специальным решением местных школьных управлений. Однако назначать или смещать учителей нельзя было без ведома местного пастора¹³.

Решения лифляндского ландтага 1839 года и патент губернского правления от 4 апреля 1840 года можно в известной степени рассматривать как начало той просветительной политики, которую вело остзейское дворянство в 40-е годы XIX века.

Из сказанного следует сделать вывод, что немалое место в осуществлении этой политики было отдано лютеранскому духовенству. Начиная с 40-х годов наметилось организованное сотрудничество дворянства и духовенства в школьных делах. Дворянство, сохраняя за собой функции контроля, практическое исполнение всех решений и законов оставляло в ведении лютеранских пасторов. В полном их распоряжении по-прежнему оставалось домашнее обучение, которое особенно распространено было в Лифляндии.

На особое место духовенства в решении вопросов крестьянского образования указывает и тот факт, что все советники лифляндских сельских школ были выходцами из среды лютеранского духовенства. (С 1844 года Главным управлением лифляндских сельских школ руководил выбранный ландтагом школьный советник).

В конце 30-х и в начале 40-х годов главное внимание дворянства и духовенства сосредоточилось на создании определенной системы народного образования в рамках законов 1817 и 1819 годов и патента 1840 года, в которых было предусмотрено создание волостных и церковно-приходских школ. Для подготовки учителей в 1839 году открылась школа в Валмиере, преобразованная позднее в семинарию и переведенная в Валку, известная в истории Латвии под названием учительской семинарии Я.Цимзе. В Курляндии в 1840 году была открыта учительская семинария в Ирлаве. Оба эти учебные заведения находились полностью в ведении дворянства.

Смысл и цели просветительной политики остзейского дворянства в 40-е годы XIX века по-настоящему можно определить только через призму событий первой половины 40-х годов - через призму крестьянских волнений в 1841 году и массового перехода крестьян в православие.

Оценивая события 1841 года, епископ Ф. Вальтер писал, что "... опасность стране грозила с двух сторон. Закон, порядок и евангелическая церковь находились в опасности"¹².

По мнению пастора Шаца из Тирзы, будущее немецких привилегированных сословий во многом зависит от того, удастся ли "привлечь массы к всеобщему нужному (т.е. соответствующему интересам правящих кругов. - В.Д.) образованию". Генерал-суперинтендент Г. Клот, впервые выступая с сообщением о крестьянских волнениях и не желая уяснить истинные причины этих волнений, указал, что в основе их лежит низкий культурный уровень народа, и что народное образование могло бы исключить подобные волнения^{17:6}.

Курляндское дворянство, по сравнению с ливонским, было более консервативным в вопросах народного просвещения.

В 1846 году на заседании синода курляндского духовенства было составлено заявление Комитету рыцарства, в котором было высказано недвусмысленное побуждение к активным действиям в области народного образования. Синод обратил внимание дворянства на "угрожающие условия этого времени".

Далее в заявлении говорилось, что именно образование крестьян в выгодном для дворянства направлении является одним из серьезнейших средств сохранения и упрочения влияния дворянства и лютеранской церкви в латышском крестьянстве^{9;2}.

Для точного определения направленности просветительной политики остзейского дворянства важно выяснить цели и задачи, выдвинутые перед крестьянскими школами, характер этих школ.

В выступлении пастора Шаца в 1842 году на Ливонском синоде было особо подчеркнуто, что задачей крестьянских школ является подготовка крестьянских детей к конфирмации. Шац предлагал программу дальнейшего развития крестьянского образования. Перед крестьянскими школами он

выдвинул конкретные задачи - воспитывать детей латышских крестьян так, чтобы они "разумно, нравственно и сознательно выполняли свой крестьянский долг"^{17;6}. Таким образом Шап надеялся добиться примирения крестьян со своим положением. Крестьянские школы должны были главным образом воспитывать в духе повиновения немецкому дворянству и лишь "сверх этого" давать некоторые знания.

Подобного рода взгляды выражал ландрат К.Груиндингк в 1845 году. Перед крестьянскими школами он поставил цель воспитывать "грубых, неотесанных, не нравственных, ленивых" латышских крестьян "знающими, но преданными закону и набожными исполнителями своего крестьянского долга"²¹.

Одним из самых активных сторонников крестьянского образования был редактор газеты "Латвиешу Авизес" пастор Пантениус. Однако необходимость образования и он аргументировал в основном тем, что образованный человек лучше приобретает к "духовной жизни" и что школа "лишь путь в церковь"²⁰.

Официальное оформление эти взгляды получили в инструкции главного управления латвийских сельских школ от 30 марта 1845 года. Главное место для выполнения выдвинутых целей отводилось волостным школам, так как "более высокое образование, которое только избранным дает церковно-приходские школы, небезопасно для некоторых индивидов и мало пользы приносит народу в целом". Церковно-приходским школам, как предусматривала инструкция, следует дать "более широкое образование только самым способным крестьянским детям, так как они должны повлиять на народные массы".

Однако за этим понятием "более широкое образование" во многом также подразумевалось "усердное обучение слову божьему"⁸.

В соответствии с тем, что "наш сельский народ не должен заниматься вредным чтением, но с воодушевлением выполнять свой крестьянский долг", - как выразился Гок²¹, были выдвинуты и более конкретные предложения по поводу того, чему обучать в волостных и церковно-приходских школах.

Так, Брунингк писал, что крестьянину для выполнения своего ремесла требуется немного. По мнению Брунингка, достаточно того, что крестьянин умеет читать, писать, считать и обладает самыми общими знаниями природы и географии²¹

Главное содержание обучения в крестьянских школах составляло обучение религии. Пропаганда религиозного характера крестьянского образования особенно усилилась в 40-х и 50-х годах XIX века.

Временным законом лифляндских крестьян 1849 года было установлено, что сельские, волостные и церковно-приходские школы являются церковными учреждениями. Тут же сказано, что они должны содержаться приходами¹⁵. Таким образом, оправдывался тот факт, что содержание крестьянских школ было делом самих крестьян, в то время как контроль над крестьянским образованием находился в компетенции дворянства¹⁵, а процесс обучения оставался делом лютеранских пасторов.

На основе временного закона лифляндских крестьян 1849 года и всего школьного законодательства первой половины XIX века, 24 марта 1851 года Главное управление лифляндских сельских школ издало новую инструкцию о порядке создания и управления лифляндских сельских школ. Это являлось в известной степени обобщением политики просвещения остзейского дворянства в период после решений ландтага 1839 года. Инструкцией намечались также дальнейшие направления этой политики.

Именно на основе этой инструкции с особой силой осуществлялась идея о прямой зависимости крестьянских школ от церкви. Школьный советник Ульман писал, что крестьянские школы немислимы без преподавания религии²¹.

Такая же мысль была высказана директором Ирлавской учительской семинарии К. Садовским в 1854 году на курляндском синоде. Он подчеркнул, что основой существования крестьянских школ является их непосредственная связь с лютеранской церковью^{9:2}

Особенно распространением таких идей отличалась газета "Латвиешу Авизес": "Школа должна давать не светское образование, а ценности с большим духовным содержанием... Где много мудрости, там много трудностей, и чем более знаний, тем больше бед"²⁰.

Религиозный характер крестьянского образования Груининг пытался оправдывать "культурным состоянием и внутренними потребностями"²⁰ латышского народа.

Дворянство и духовенство опасались того, что крестьяне начнут расценивать школы как путь к дальнейшему образованию: "И не ломай голову над тем, кем бы твой сын мог стать: писарем, управляющим или судьей. Если все так станут думать, кто же будет пахать и сеять и урожай собирать" , - писала "Латвиешу Авизес".²⁰

Во второй половине 50-х годов XIX века активность остзейского дворянства в школьных делах ослабла. О причинах такого поворота в политике просвещения в известной мере можно судить по выборам на пост лифляндского школьного советника на дворянском конвенте 22 марта 1856 года. Гивший советник Ульман рекомендовал на этот пост пастора Э. Соколовского из Рауны. Конвент эту кандидатуру отклонил в связи с тем, что Соколовский был известен как сторонник активной школьной политики Ульмана, проводившейся в 40-е годы XIX в. Свою позицию конвент мотивировал тем, что "крестьянские умы утихомирились" и спешка в этом деле неразумна, "так как слишком широкое образование крестьян не всегда идет на пользу господам"⁸.

Школьным советником был избран Клот, идеалом которого была школьная политика, основанная на идее, что все необходимое для крестьян записано в библии.

Из сказанного следует сделать вывод, что в области просвещения и образования латышского народа отражаются тенденции, общие для всей политики остзейского дворянства в 40-е - 50-е годы XIX века.

В 40-е годы в просветительной политике дворянства отмечаются некоторые черты либерализма. Популяризацией крестьянского образования особенно занимались отдельные представители лютеранского духовенства.

Либерализм в школьном вопросе явился объективным следствием событий 40-х годов XIX века. Остзейское дворянство было вынуждено искать новые методы влияния на латышское крестьянство. Церковь оказалась недостаточным средством воспитания крестьян в духе послушания немецким баронам. К тому же религиозная форма крестьянской борьбы поколебала авторитет лютеранской церкви.

Известную степень образованности латышских крестьян правящие сословия рассматривали как одно из средств сохранения и укрепления своего влияния и своих привилегий и повышения авторитета лютеранской церкви. В этом смысле интересы остзейского дворянства и евангелическо-лютеранского духовенства полностью совпадали.

Таким образом, просветительная политика остзейского дворянства по своей сути была вредна коренным интересам латышских крестьян.

Школа, главной задачей которой являлось воспитание крестьян в послушании и повиновении немецким господствующим сословиям, должна была в какой-то мере направлять стремления латышских крестьян к образованию в русле, выгодном для привилегированных сословий.

Активность духовенства в школьном деле в 40-е годы XIX века следует рассматривать в первую очередь как защиту интересов немецких баронов и лютеранской церкви.

Либерализм в школьном деле в 40-е годы XIX века связан и с другими факторами социально-экономической и политической жизни страны. А именно с ростом капиталистических элементов в сельском хозяйстве и с политикой царского правительства по отношению к прибалтийским губерниям, но главное содержание просветительной политики дворянства было направлено на решение классовых противоречий.

Об этом свидетельствует поворот в этой политике в 50-е годы XIX века, также созвучный с общими тенденциями всей политики остзейского дворянства, когда в их политике открывалась десятилетняя полоса "усиленного сопротивления даже тем очень умеренным преобразованиям, с которыми ранее большинство под влиянием событий 40-х годов вынужденно смирилось".

Оценивая отношение лютеранского духовенства к политике просвещения остзейского дворянства, необходимо отметить, что именно представители духовенства были теми, кто идейно обосновывал повороты этой политики.

Ссылки на литературу

1. История Латвийской ССР. Рига, 1952, т. I, с. 400-610.
Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, гл. I;
2. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949, ч. I, гл. 4, 5, 6.
3. Духанов М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. Рига, 1978. 475 с.
4. Alunāns J. Izlase. Rīga, 1956.
5. Drizule M. Latvijas skola vēsture. Rīga, 1967, 40.-67. lpp.
6. Salniņš A. Latvijas skolu vēstures nozīmīgākie avoti (18. gs.-19. gs. 70. g.) - Grām.: Latvijas skolu vēstures avoti. Rīga, 1974, 32.-69. lpp.; Strode L., Strods H. Vēstures mācību grāmatas latviešu tautskolās XIX gs. II puse. - LPSR ZA Vēstis, 1972, N 8, 67-79. lpp.; Strode L., Strods H. No Latvijas tautskolu vēstures XIX gs. II puse. - Padomju Latvijas Skola, 1957, N 7, 82.-91. lpp.
7. Svēpītis A. Evangeliski-luteriskā baznīca sabiedrisko attiecību sistēmā Latvijā XVI gs.-XIX gs. I pusē. Rīga, 1978, 12.-31. lpp.
8. Dēķens K. Latvijas skolu vēsture. Vidzemes laukskolas. Rīga, ap 1936. Находится в отд. рукописей и редких книг Государственной библиотеки ЛатвССР им. В. Лациса.
9. Vičs A. Latviešu skolu vēsture. 2. grām., 467 lpp., 3. grām., 656 lpp. Rīga, 1926, 1928.
10. Tobien A. Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Rīga, 1925, S 238 - 275.
11. Garve H. Konfession und Nationalität. Ein Beitrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert. Marburg/Lahn, 1978.
12. Bischof Dr. Ferdinand Walter. Leipzig, 1891.

13. Patente pro 1840. Befehl N 44 Seiner Keiserlichen Majestät, des Selbstherschers aller Reussen... aus der Livländischen Gouvernment - Regierung zur allgemeiner Wissenschaft und Nachachtung. Riga, 4 April 1840.
14. Instruktion für die Kreislandschulbehörden. Riga, 1845.
15. Livländische Agrar- und Bauernverordnung. Riga, 1850, §§ 645-657.
16. Instruktion für Einrichtung und Verwaltung der Livländischen Landschulen ev.-lutherischer Konfession. Riga, 1851.
17. Protokoll der Zu Walk im Jahre 1842 abgehaltenen (9) Livländischen Provinzialsynode, S 6.
18. Gesetz-Sammlung für das Jahr 1819. Livländische Bauern-Verordnung. S.-Petersburg, 1820, §§ 516, 517.
19. Gesetzbuch für die Kurländischen Bauern. Mitau, 1819, § 60.
20. Latviesu Avizes, 1841, N 52; 1851, N 17; N 19.
21. Das Inland, 1836, N 18; 1839 N 29; 1840, N 2; 1845, N 40; 1853, N 7.

ПАЛ ХУНФАЛВИ – АВТОР "ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРИД АЛТИКУ"
(к истории венгеро-прибалтийских культурных связей)

В 1980 году исполнилось 170 лет со дня рождения одного из крупнейших деятелей венгерской науки, пионера междисциплинарного изучения гуманитарных наук – академика Пала Хунфальви. Его имя широко известно не только в венгерском языкознании и общей лингвистике. Он по праву считается классиком и в финноугроведении и этнографии.

Пал Хунфальви – один из основателей венгерского языкознания и его младший брат Янош – создатель научной географии в Венгрии родились в с.Хуннсдорф-Хунфальва под г.Кежмарк на северо-востоке страны (ныне Словакия).

В 17 лет Пал оканчивает лицей, владеет латинским и греческим языками и свободно читает по-французски. Позже он кончает в Кежмарке философское и юридическое отделения института, а в 1833 году приезжает в Пешт для завершения своего юридического образования.

Все это происходит в так называемую эпоху реформ, в период созревания общественных изменений, когда усиливается стремление венгров к независимости от Австрии. Эти десятилетия характеризуются сначала главным образом возникновением программ необходимого для отсталой страны буржуазного прогресса, а в 40-е годы уже появляются носители радикальной политической мысли.

Как и многие деятели науки и культуры Венгрии – выходцы из неимущих слоев общества – Хунфальви начинает свою деятельность воспитателем в аристократической семье. Он воспитывает двух сыновей барона Подманицки (оба впоследствии станут прогрессивными общественными деятелями). В это время юноша близко соприкасается с влиятельными деятелями поли-

тической жизни страны и принимает непосредственное участие во все более обостряющейся в эти годы общественно-политической борьбе. В 1836 году он проводит с семьей Подманицки год в Дрездене и знакомится там с основными направлениями общественной мысли тогдашней Европы.

Уже в первой его статье по языкознанию (1840 год) мы находим следующие слова о родственных венграм народах: "Почему бы не обратиться нам к нашим северным сородичам, у которых наверное найдем слова относительно моря и зимы, гор и рыб?"¹. Эти слова характерны для движения за так называемое "обновление языка". Замечание Хундальви не пропадет даром: ряд предложенных им слов принимается и включается в академический словарь.

В 1841 году Венгерская Академия наук избирает его своим член-корреспондентом. Через год он приглашается профессором Кежмаркского института на кафедру юриспруденции. Здесь он привлекает к себе всеобщее внимание тем, что вместо традиционной латыни читает лекции на венгерском языке. В 36 лет его избрали пожизненным директором института, что обеспечило ему солидное общественное положение и открыло перспективу блестящей научной карьеры в области государственного права и материальное обеспечение на уровне правительственных сановников. Однако вскоре события революции 1848-49 гг. решительно вторгаются в жизнь Хундальви, вытягивают его в водоворот главных политических событий и придают его деятельности совершенно другое направление.

В 1848 году его избирают депутатом революционного парламента. В условиях усиления австрийской реакции он пишет 25 января 1849 г. следующее: "Наша родина будет раздавлена, но будущее не принадлежит победителям, потому что их самих раздавит грядущее"². В апреле 1849 г. в Дебрецене он как один из секретарей заседания парламента собственноручно увековечивает в протоколе историческое решение о низвержении Габсбургов. До последних дней борьбы он не оставляет великого вождя венгерской революции Л. Кошута.

В июле 1850 года он получает амнистию, но как "ском-

прометированного" участием в революционном парламенте, его лишают директорского места в институте Кежмарка. Он поселяется в Пеште и вместе с группой коллег-академиков приступает к реорганизации научной жизни страны. Осенью 1851 года в программной статье учрежденного им журнала Хунфальви формулирует главные задачи венгерских гуманитарных наук. Он впервые создает программу в области сравнительного языкознания на исторической основе.

В 1851 году Хунфальви получает назначение на должность библиотекаря Академии наук, во многих старых списках и на карточках каталога этого крупнейшего научного книгохранилища Венгрии и поныне встречаются записи его характерным почерком.

Наконец он может возобновить научную работу. Почти два десятилетия жизни он отдает языкознанию и, в частности, проблемам родственных связей венгерского языка. С тех пор, как известный венгерский филолог Антал Регули, впервые изучавший на месте язык наших ближайших родственников - ханты и манси, мари и чувашей, вернулся в 1848 г. из многолетней поездки по России, эта проблема все более выдвигается на передний план. Хунфальви с растущим интересом следит за поездкой Регули. Одно из его определений в течение прошедшего с тех пор столетия приобрело, можно сказать, силу закона: "Нельзя стать специалистом по венгерскому языку, не будучи сведущим в родственных нам языках". Его работы этих лет "О принципах и элементах сравнения языков" и "Сравнение финских и венгерских слов" имеют огромное значение для венгерской филологии. В корне против концепций "самостоятельности" языка, отражавших националистические тенденции эпохи, он ратует за принцип языковой семьи и подчеркивает, что сопоставление языков может привести к разгадке ряда неясных до сих пор явлений венгерского языка.

В 1856 по 1861 год он издавал на собственные средства первый венгерский языковедческий журнал "Magyar nyelvészet" ("Венгерское языкознание"). В качестве основной задачи журнала он выдвигает разработку основ венгерского языкознания и,

в частности, сопоставительное изучение родственных языков и народов. Его не пугает то, что "многие наши ученые и неученные" ужаснутся при мысли о том, что венгерский язык сравнивается с языком "алтайской черни": "Ведь даже отдельному человеку честь делает только его собственное старание, а не другой человек, каким бы близким родственником тот ему ни приходился, будь то англичанин, персиянин или араб. Мы не стоим более, нежели наша собственная честь! Прочь посему детское тщеславие, которое в самом деле позорно для нас, так как делает нас непригодными к науке".

Легенда о прямом происхождении венгров от гуннов Аттилы, как доказал Хунфальви, заимствована из немецких источников. Немецкое духовенство во времена распространения христианства среди венгров познакомило их со сказаниями о гуннах и Аттиле, о которых пастухи венгры не имели никакого представления. Националистически настроенные круги интеллигенции считали, что венгерский народ с его героическим прошлым и развитой культурой не может иметь родства с далекими безграмотными рыболовами и охотниками, "пропахшими рыбьим жиром" - ханты и манси. Сторонников угро-финской теории прозвали плохими венграми и плохими патристами.

На основе своих конкретных лингвистических исследований в области мордовского, самоедского языков, ханты и т. д., а также начатой еще при жизни Регули совместной с ним обработки сибирских записей последнего, Хунфальви не только утверждает, но и доказывает идею о родстве этих языков с венгерским. О том, какую реакцию вызывает эта деятельность, насколько она задевает за живое многих историков и филологов, разрушая мирак венгеро-индоевропейского родства с "великими культурными нациями", свидетельствует и такой факт: в 1856 году про Хунфальви распространяют слух, что он, собственно, подкуплен австрийским правительством с целью дискредитировать венгров, состоящих в родстве с "пахнувшими рыбой северянами".

В 1858 году Хундальви избирается действительным членом Академии наук. В 1861 году языковедческая комиссия академии поручает ему редактирование филологического журнала "Nyelvtudomanyi közlemenyek" ("Сообщения по языкознанию"). Этот журнал издается и поныне.

Важными вехами в развитии венгерского финноугроведения был выход таких работ Хундальви как "Финская хрестоматия" (1861) и "Земля и народ манси" (1864). Последнее служит как бы мостиком уже в следующую большую область исследований ученого - в историческую этнографию. Стержень этой по своему характеру этнографической работы составляют записки Регули среди манси. М.В.Ломоносов не сомневался "в единоплеменстве ея (Венгрии) жителей с Чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудским диалектом" (Древняя российская грамматика. Спб., 1850, т.3, с.112).

В 1869 году сбывается многолетняя мечта ученого: он отправляется в поездку по странам Прибалтики и в Финляндию.³ Маршрут (через Польшу и Восточную Пруссию по Литве, Латвии и Эстонии, с заездом в Петербург и в Финляндию) был давно продуман. Он не был и случаен: почти за столетие до Хундальви именно этим маршрутом хотел попасть к северным сородичам один из сторонников финно-угорской теории И.Шандор.⁴

Хундальви изучает работы не только своих предшественников, но и настолько осведомлен относительно географических, экономических и общественных отношений этих стран, что в результате его книга оказывается незаменимым источником информации не только для современников. Ее данные по сей день используются историками и этнографами. Остановимся лишь на некоторых моментах первого тома, посвященного Прибалтике.

Небезынтересно читать уже самый первый абзац, особенно если помнить, что это написано более ста лет назад: "Балтийское море по-видимому не занимает в истории европейцев столь выдающееся место, как Средиземное море. В то же время это значение для государств Востока и Севера Европы, которые влияли на судьбы Венгрии в прошлом и будут влиять

также в ближайшем или более далеком будущем, является весьма немалым. И где же мы можем проводить более полезные этнографические исследования, как ни в странах Балтийского моря?

(с.3. Здесь и далее цитаты из "Путешествия..." приводятся по венгерскому изданию, т.1). Хундальви старается многое увидеть, беседует с людьми, читает. Он размышляет о судьбах прибалтийских немцев, игравших веками роль хозяев в Прибалтике, а также о судьбах коренных жителей края - латышей и эстонцев, пробуждающихся в XIX веке к национальному самосознанию.

Хундальви - неутомимый исследователь, точный наблюдатель. Он всюду пользуется любой возможностью встретиться непосредственно с простым народом. В Тарту он попадает как раз на празднество по случаю 50-летия отмены крепостного права. На торжества собрались крестьяне со всех концов Эстонии. Характерно поведение Хундальви: "Где только было возможно, я смешивался с толпой народа, изучая его поведение и язык, потому как вряд ли еще где-нибудь и когда-нибудь я смогу встретить столько народу со стольких мест".

Благодаря острому глазу автора на страницах книги встают колоритные описания многочисленных этнографических подробностей, таких как описание экипажей и конской сбруи в Риге, способ уборки урожая, крестьянский дом в Эстонии, одежда крестьян и ремесленников в будни и праздники и т.д.

Впервые венгерский читатель смог ознакомиться с образцами эстонской литературы. Это отрывки из "Калевипоэма" и из "Водяного мельника". Лиссена и некоторые легенды. (До этого - в 1857 году Хундальви же опубликовал в Вестнике Венгерской академии подробную статью об эстонской литературе, а в начале 60-х годов финская народная поэзия становится в Венгрии предметом научного исследования).

Он наглядно описывает архитектуру Домского собора и храма св.Петра в Риге, а также таллинского Олевисте.

К концу 60-х годов Хундальви обращается к другой важной области науки. И здесь он оказывается зачинателем, пер-

вооткрывателем, разрабатывает новую методологию изучения этнографии. Основным критерием развития истории, экономики и культуры нации он ставит ее общественное развитие. Он издает свой главный труд по этой проблеме - "Этнография Венгрии" (1876). Автор отвергает арийские теории и не принимает учение социал-дарвинизма. В борьбе с ним он "осуществляет такое этническое исследование, которое не замыкается в узконациональных рамках, не пренебрегает достижениями других народов"⁵.

Уже ранее Хунфальви как языковед многое сделал для развенчивания ложного мифа о гунно-венгерском родстве. Как этнолог, он нанес сокрушительный удар по различным антинаучным теориям своего времени, питавшим национальное тщеславие, будь то предание о якобы гуннском происхождении венгров юго-восточной Трансильвании, или теория о происхождении румын от солдат Траяна. Гипотеза Хунфальви об этногенезе открыла дорогу к изучению материальной культуры венгерского народа и к новым путям сравнительной фольклористики. Благодаря его усилиям было создано Венгерское этнографическое общество и начал выходить поныне выходящий журнал этого общества.

В лице Хунфальви мы имеем дело с первым крупным венгерским организатором науки. В результате его деятельности, в частности, с помощью выпестованной им научной периодики, создавалась и организационно оформлялась венгерская лингвистика.

Хунфальви понимал то, что венгерская наука может понастоящему развиваться лишь путем международного общения. Для ознакомления заграницы с достижениями венгерской науки он создает два журнала: в 1877 г. "Literarische Berichte aus Ungarn", а позже - "Ungarische Revue", журнал с более широким, общегуманитарным профилем, который он редактирует до самой своей смерти.

Заслуги Пала Хунфальви были полностью оценены еще при его жизни. Потомок сельского труженика, он за свои

научные заслуги был назначен в верхнюю палату парламента, куда обычно попадали только аристократы. Последние восемь лет жизни он был бессменным председателем первого отделения Академии наук. Он был принят в почетные члены Финского, Эстонского, Немецкого и Чешского научных обществ, Прусской академии наук, Парижского филологического общества, Американского философского общества, Венского и Берлинского антропологического общества и т.д.

Он умер в 1891 г. с спокойной уверенностью в том, что жизнь прожита им не напрасно. Он оставил после себя целую плеяду учеников. На основе его трудов последующие поколения ученых подняли венгерское языковедение на европейский уровень, а в одной отрасли - финноугроведении венгерская наука вышла на первое место в мире.

Ссылки на литературу

- 1 Munkacsi Bernat: Hunfalvy Pal emlekezete. Bp. 1912. 149. sz. 169.
- 2 Lovanyi Gyula: Hunfalvy Pal eletovel. Műt közi 1961 (63) 8. p.
- 3 Utazás a Balttenger vidéken, I-II. Bp. 1871. - Reise in die Ostseeprovinzen Ruslands. Frei aus dem Ungarischen. Leipzig, 1874. 260 s.
- 4 Sandor Istvan: Egy igazi magyar hazafi ohajtasa. - Sokfele, 1795. III.
- 5 Zsigmond Gabor: Hunfalvy Pal. - Magyar Nperjazi Lexikon, II. Bp. 1978. 597-8p.

АВТОРЫ СТАТЕЙ СБОРНИКА

1. Я. ДЗИНТАРС - научный сотрудник Института истории
АН ЛатвССР
2. А. ПУТНИНЫШ - аспирант кафедры новой и новейшей истории
МГУ им. М.В. Ломоносова
3. А. ВАРСЛАВАН - профессор кафедры новой и новейшей истории
ЛГУ им. П. Стучки
4. А. ЗУНДА - преподаватель кафедры истории СССР ЛГУ
им. П. Стучки
5. Е. ШИМКУВА - аспирантка кафедры новой и новейшей истории
ЛГУ им. П. Стучки
6. А. СТРАНГА - аспирант кафедры истории КПСС ЛГУ им.
П. Стучки
7. Ю. БАЛЮТИТЕ - научный сотрудник Института истории партии
при ЦК КП Литвы
8. Я. РАЙД - доцент кафедры истории СССР Тартуского уни-
верситета
9. Л. ЭЛСНЕР - профессор секции истории Ростокского универ-
ситета им. Вильгельма Пика (ГДР)
10. В. ДАУКШТЕ - аспирантка кафедры истории СССР ЛГУ им.
П. Стучки

---

11. И. ФЕНЬВЕШИ - доцент кафедры русской литературы Сегедско-
го университета им. Йожефа Аттилы (ВНР)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Я.Дзинтарс. Латышские советские патриоты в Штутгофском концлагере	3
2. А.Путниньш. Влияние Англии на политико-дипломатическое сближение Германии и буржуазной Латвии (1935-1939 гг.)	13
3. А.Варславан, А.Зунда. Против германского преобладания в импортно-экспортном балансе буржуазной Латвии: прием экономической стратегии британского империализма (1930-1933 гг.)	25
4. Е.Шимкува. Борьба прибалтийско-немецких дворян Латвии против безвозмездного отчуждения земли в период буржуазной аграрной реформы (1920-1925 гг.)...	48
5. А.Странга. Деятельность Компартии Латвии по претворению в жизнь решений международной рабочей конференции во Франкфурте-на-Майне (17-20 марта 1923 г.) в связи с оккупацией Рур	60
6. Ю.Баллотите. Участие революционных немецких солдат в борьбе литовских трудящихся за Советскую власть (1918-1919 гг.)	71
7. Я.Райд. Ноябрьская революция в Германии и разложение немецких оккупационных войск в Эстонии	80
8. Л.Элснер. Усилия германского империализма по набору рабочей силы из Прибалтики накануне 1918 г.	91
9. В.Даукште. Сотрудничество остзейского дворянства и лютеранского духовенства по вопросу просвещения латышских крестьян в 40-х-50-х годах XIX века (в Курляндии и Лифляндии)	100
10. И.Феньвеш. Пал Хунфальви автор "Путешествия в Прибалтику" (к истории венгро-прибалтийских культурных связей)	114
11. Авторы статей сборника	122